

С.В.Соколовский

Татары и кряшены в переписи населения 2002 г.

1. Разногласия: теоретические, или политические?

Рассмотрение «кряшенского вопроса» в переписи 2002 г. логично начать с истории кряшен, что и неизменно делалось обеими сторонам в дискуссии, одними – с целью подтверждения самостоятельности кряшен как отдельного народа, другими – с прямо противоположной целью – подтверждения того, что кряшены всегда составляли неотъемлемую часть татар. Спор «часть либо целое» представляет несомненный теоретический интерес для российской антропологии, все еще усваивающей конструктивистские представления об этничности и не вполне отказавшейся от примордиалистских концептуализаций этнического¹. В этой связи интересно отметить, что мышление обеих сторон прецедентно. Суть рассуждения, если огрублять, такова: отдельный народ есть (его нет), если он (не) был прежде зафиксирован в истории в качестве такового. Такая логика имеет свои изъяны, быть может, не всем очевидные, поэтому заслуживает обсуждения. В соответствии с этой логикой сторонники самобытности кряшен стремились найти исторические примеры кряшенской самостоятельности и отдельности в самых разных сферах и источниках – переписях населения, исторических хрониках и документах, в фактах наличия в прошлом самостоятельной кряшенской печати, системы школьного образования и т.п., в то время как противники специализировались на контрдоводах относительно тех же самых документов и источников и приводили дополнительные соображения о «единстве и неделимости» татарской нации. Вот как об этом пишут, например, авторы статьи о кряшенях в журнале «Радонеж»:

«Происхождение кряшен вызывает оживленные споры до сих пор. Большинство татарских исследователей отстаивают точку зрения, согласно которой кряшены – это часть крещеного Иваном Грозным в 16 веке татарского населения Казанского ханства. Однако это отрицают сами кряшены и часть известных этнологов. В действительности же, язык кряшен настолько чист от арабизмов и фарсизмов, а быт имеет такие элементы языческой культуры, что у непредвзятого исследователя вывод очевиден – кряшены до крещения не пребывали в исламе, поскольку их культура и язык не несут следов исламского влияния. Кряшены формировались как этнос еще в болгарский период. С насильственным лишением кряшен в 1926 году статуса самостоятельного этноса, повлекшим упразднение школ, других учебных и культурных кряшенских учреждений, начался процесс ассимиляции кряшен татарским большинством. В последнее десятилетие этот процесс усугубился стремлением исламизировать православных кряшен.² «

В этом коротком высказывании суммированы наиболее часто звучащие аргументы и узловые моменты дискуссии о принадлежности кряшен, каждый из которых заслуживает нашего внимания. В соответствии с очевидно разделяемой авторами историко-примордиалистской версией теории этноса

свидетельствами его отдельности и самостоятельности служат этногенез (этническое происхождение, предпочтительно древнее), наличие отдельного и самостоятельного языка и культурных различий от других подобных групп и сообществ. В качестве дополнительных свидетельств законности притязаний лидеров кряшенских организаций на этническую самостоятельность упоминается исторический прецедент их признания советским государством, о чем свидетельствует наличие собственных школ и «других учебных и культурных кряшенских учреждений» (в других источниках – также ряд дополнительных фактов и обстоятельств, этими авторами не упоминаемых).

Этногенез или самосознание? Неискушенному потребителю «готовой научной продукции» – разнообразных теорий и концепций, в данном конкретном случае, разнообразных концептуализаций этнического – трудно разобратся в достоинствах и недостатках идей, конкурирующих на этом своеобразном рынке интеллектуальной продукции. Еще труднее это сделать потребителю этой продукции, если он обращается не к глобальному спектру предлагаемых идей, банк которых непрерывно пополняется за счет усилий мирового сообщества, а к локально представленному набору, в котором, во-первых, вообще отсутствуют некоторые из концептуализаций (и, таким образом, свобода его выбора незаметно для него самого ограничивается), а, во-вторых, изменяются, порой до неузнаваемости, за счет приспособления к местному контексту, локальные варианты распространенных в мировом интеллектуальном сообществе концепций. Борьбу интерпретаций в сфере концептуализации этнического в России часто представляют как борьбу между различными версиями примордиализма и конструктивизма. Такое представление является одновременно верным и неверным. Если читатель удосужится пролистать хотя бы часть из предложенных выше материалов дискуссии об этносе и этничности, он сможет убедиться, что словарь даже самых радикальных конструктивистов оказывается засоренным понятиями из тезауруса примордиалистов. И даже если он не обнаружит в этих текстах понятия «этногенез», то уж непременно столкнется либо с «этническими кодами» и «этнической психологией», либо с «межэтническими отношениями» и т.п. – то есть теми самыми фрагментами словаря примордиалистских концептуализаций этнического, которые так обстоятельно и непримиримо вычищались и выметались за пределы концептуального ядра конструктивистских построений.

В случае дискуссии о кряшенях (самостоятельный народ или часть поволжских татар, «субэтнос», или даже – «субконфессиональная общность») аргументы примордиалистского характера играли существенную роль для обеих противоборствующих сторон. Примером может служить спор о происхождении кряшен – их этногенезе – спор, который, разумеется, не может рассматриваться как сколько-нибудь существенный для конструктивистов и их представлений об этническом. Логика этого спора проста: если удастся показать, что кряшены «сформировались в самостоятельный этнос» давно (лучше всего – прежде татар), то они по праву могут рассматриваться в качестве отдельного от татар и насильственно объединенного с ними народа. И напротив, если они возникли относительно недавно, и притом из числа «уже

сформировавшейся татарской нации» (или, хотя бы, на том этапе, когда «татарская народность», начала «превращаться в нацию»), да к тому же на столь с позиций примордиалистов шатком основании как религия (ведь это не кровь и почва, которая в этой логике как раз и доказывает неотрывность кряшенской общности от татарского ядра), то остается мало сомнений, что кряшены – это «просто крещеные татары»³. Напомню, что сторонники кряшенской самостоятельности утверждают, что «кряшены формировались как этнос еще в болгарский период», а их противники – что «субконфессиональная общность кряшен является новообразованием», поскольку процесс христианизации татар («были две волны крещения – в XVI-XVII вв. и в первой половине XVIII в.») был относительно недавним⁴.

На это сторонники кряшенской самостоятельности возражают, что:

«... в среде татарских ученых до сих пор принято считать, что кряшены являются группой татар, принявших православие в 16 веке (при царе Иоанне IV). Соответственно и отношение к кряшенам примерно такое, как древних иудеев к самарянам. Сами кряшены убеждены, что кряшенский народ был крещен еще до взятия Казани Иоанном Грозным и к татарам отношение имеет отдаленное. Известен, например, христианский мученик XIII века Авраамий Болгарский (купец из Волжской Булгарии), умученный единоплеменниками-мусульманами в 1229 г. за отказ отречься от православия. Известно, что в Булгарах имелася древняя армянская (монофизитская) церковь, руины которой были уничтожены уже в советское время»⁵.

Этому высказыванию А. Журавского вторит И. Иванов:

«Сами кряшены считают себя предками древних болгар, еще в VI-IX веках исповедовавших христианство, а потом ушедших от насильственной исламизации, проводившейся в Золотой Орде. Указывая на свои древние христианские корни, они называют мученика XIII века Авраамия Болгарского, купца из Волжской Булгарии, умученного единоплеменниками-мусульманами в 1229 г. за отказ отречься от православия»⁶.

По всей видимости, такую точку зрения можно считать официальной позицией кряшенского духовенства для всех семи кряшенских приходов в Татарстане. По словам настоятеля Казанского прихода отца Павла, «знакомство кряшен с православием произошло даже раньше, чем в Киевской Руси»⁷.

В этом конкретном и довольно типичном случае свидетельства древности крещения играют инструментальный характер и подчинены необходимости доказательства самостоятельного существования кряшенской общности в течение длительного времени. Длительность исторического времени в качестве особого аргумента в системе доказательств отдельности, и, в особенности, времени, соотнесенного со временем существования «соперников», по отношению к которым устанавливается первенство или отдельность – весьма типичный аргумента в спорах примордиалистов на темы «часть или целое», «этнос или субэтнос» и т.д. Он настолько типичен и распространен, что впору говорить об особом *топосе*⁸ в этногенетическом дискурсе. Аргументация к исторической длительности конкретного сообщества дискурсивно связана с объективацией и натурализацией его культуры. Поскольку становление культуры, ее *оформление* и вызревание в недрах материнских куль-

турных форм, развитие ее особенных черт, придающих ей характер отдельности и самостоятельности, требуют времени, все аргументы, риторически фиксирующие древнее происхождение сообщества, в свою очередь придают характер отдельности, самостоятельности и уникальности культуре этого сообщества. В политическом дискурсе такое закольцовывание аргументации является широко распространенным приемом и мало кого смущает. Для научного же дискурса, (как отмечает тот же Хейден Уайт, анализируя дискурс историографии) подчинение логического и эмпирического риторическому означает утрату ориентиров при определении научных описаний как соответствующих или не соответствующих реальности, так как логика подменяется моральными и эстетическими критериями.⁹

Язык или диалект? Вернемся к тому уже выше отмеченному обстоятельству, что в соответствии с историко-примордиалистской версией теории этноса свидетельства его отдельности и самостоятельности служат не только факт исторического оформления данного сообщества в отдельную таксономическую единицу, именуемую «этносом» (этногенез), но и наличие отдельного и самостоятельного языка.

Проблема использования родного языка как этнического определителя в переписях населения неоднократно затрагивалась советскими этнографами. В.И. Козлов, анализируя эту проблему в книге, специально посвященной проблеме этнической демографии, в частности, писал:

При установлении численности этнической общности нередко бывает трудно определить, является ли данная группа людей отдельным народом или она представляет собой часть народа (его этнографическую, религиозную, или, например, расовую группу). Однако не меньшие трудности возникают при определении языковых групп из-за недостаточной четкости границы между языком и диалектом... Условность границы между языком и диалектом усиливается тем обстоятельством, что диалектальные различия внутри «единых» языков подчас оказываются сильнее, чем различия между многими «самостоятельными» языками. ... Решение вопроса о том, является ли данная языковая вариация самостоятельным языком или диалектом языка, нередко зависит не от лингвистических показателей, а от политических факторов.¹⁰

Отечественные лингвисты, разбиравшие эту проблему, также отмечали определяющее влияние аргументов экстралингвистического характера на решение этой проблемы и отсутствие четкости в собственно лингвистических критериях. Наиболее интересно и содержательно, с моей точки зрения, проблема соотношения языка и диалекта рассматривалась в рамках такой дисциплины как лингвистическая география¹¹.

Рассматривая проблему крымско-татарской самостоятельности А. Журавский использует оба традиционных для исконных концепций этнического аргумента – самостоятельность языка и древность происхождения:

В крымско-татарском языке отсутствуют арабско-персидские заимствования, присущие татарскому языку, подтверждающие исламское культурное влияние на татарский этнос. Крымские татары пришли в христианство из язычества –

это факт неоспоримый. Причем они приняли христианство по крайней мере в XII веке, а не в XVI, как это пытаются доказать татарские историки.¹²

Ситуация с расхождением диалектов на основе религиозных различий весьма типична для различных регионов мира со сложным языковым составом. Например, основные различия в речи кашмирцев-мусульман и кашмирцев-индусов, то есть между урдуязычными и хиндиязычными кашмирцами – «в лексической ориентации первых на арабско-персидский фон, вторых – на санскритизмы».¹³ При этом урду и хинди считаются различными языками. Известный специалист по лингвогеографии и иранским языкам Д.И. Эдельман также отмечает отсутствие четких лингвистических критериев в решении вопроса о соотношении понятий «язык» и «диалект». В ряде случаев лингвемы¹⁴, в языковом отношении очень близкие, считались отдельными языками за счет существования государственных границ, пересекающих близкородственный языковой массив, и оформления самостоятельных письменных традиций (как, например, фарси, кабули и таджикский).¹⁵ В других случаях, наоборот, сильно разошедшиеся диалекты, ставшие взаимно непонимаемыми и длительное время развивавшиеся в условиях изоляции, объединяются в единый язык (например, диалекты селькупского или курдского языков, пашаи и др.).

В числе упомянутых выше факторов экстралингвистического характера можно специально отметить степень изученности лингвем в определении их статуса. В истории лингвогеографических исследований уже отмечался тот факт, что методика обследования предопределяла теоретические заключения.¹⁶ Так, например, преимущественная ориентация лингвистов на лексический уровень, который считается наиболее подвижным в географическом плане, и использование редкой диалектной сетки (незначительное число обследованных мест на единицу площади) привели романских диалектологов парижской школы и итальянских неолингвистов к отрицанию реальности языков и диалектов.¹⁷ В то же время ориентация диалектологов-германистов на исследование более устойчивых к заимствованиям фонетической и морфологической систем и большая частота используемой ими сетки позволили наблюдать и картографировать пучки изоглос и так называемые зоны вибрации, располагающиеся на границах диалектов и языков и выделять «ядра» диалектов и переходные зоны. Рост степени изученности лингвем, используемых народами Памира, позволил лингвистам отказаться от неверного взгляда на них как на «диалекты таджикского языка» (эти языки относятся не к западно-иранской, как таджикский, а к восточно-иранской ветви иранской группы языков) и рассматривать их сначала как «языки-диалекты», а затем и как самостоятельные языки. Очевидно недостаточная изученность крымско-татарского не может не влиять на его таксономическое положение в лингвистических классификациях.

Среди других факторов экстралингвистического характера, определяющих статус лингвемы, часто отмечаются наличие собственной литературной традиции (письменности) и «отдельной национальности». Например, известный специалист по индийским и иранским языкам Дж. Грирсон в главе «“Язык” и “диалект”» многотомного капитального труда «Linguistic Survey

of India», анализируя различия между рядом индийских языков и диалектов, приходит к выводу, что при объединении языковых единиц (он их называет *forms of speech*) в считающийся единым язык критерии взаимопонимания и сходства лексических фондов не играют определяющей роли: диалекты хинди и лексически и грамматически настолько различны, что лингвисты приписывают им различный строй (у одних морфология сложнее латинской, другие аналитичны, почти как английский), что делает признание их в качестве единого языка, по выражению Грирсона «филологически невозможным». Тем не менее, они считаются таковыми, поскольку их объединяет единый литературный язык, являющийся языком школы и администрации. Противоположный пример: ассамский, который по всем лингвистическим параметрам является диалектом бенгальского, признается отдельным самостоятельным языком, поскольку его носители признаны в качестве самостоятельной «нации», обладающей, к тому же, богатой литературной традицией.¹⁸

Таким образом, концептуальные границы между «языком» и «диалектом» создаются в результате политических действий, не сводимых к чисто языковым процессам и структурам. Ссылка на самостоятельность (отдельность) лингвем в условиях контактов близкородственных языковых образований сама является политическим средством конституирования отдельного языка и, в этом смысле, может рассматриваться как инструмент языковой политики, в которой субъектом является не государство, а само общество и составляющие его группы. Главным в конституировании языка является политическая поля языкового сообщества, а не система взаимных различий. Сторонники «единства татарской нации» нередко выдвигают в качестве основы этого единства именно общность языка:

...татарский народ, как, кстати, и некоторые другие народы России, составителями инструкций не воспринимается как единый. При этнической идентификации в одном случае за основу берется место происхождения (например, бухарцы), в другом – место проживания (тарские, тюменские татары), в-третьем – диалект (мишары) или конфессия (кряшены), при этом забывается, что все названные группы говорят на одном и том же языке – татарском.¹⁹

В то же самое время далеко не все противники этого постулируемого национального единства основывают свое видение самостоятельности кряшен на аргументах лингвистического характера. В этой связи характерна, например, позиция сотрудника ИЯЛИ АН РТ Г. Макарова, выраженная им в одном из интервью «Российской газете»:

На самом деле большой разницы между татарским и кряшенским языками нет. Как мне сказал научный сотрудник Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) Академии наук РТ Геннадий Макаров, татарский все более приобретает черты литературного языка, кряшенский – остался на уровне диалекта. Поэтому большинство кряшен, проживающих в городах, говорят на татарском. И настоящий кряшенский язык могут услышать лишь на литургии в кряшенской церкви. Почему они не хотят называться татарами? Да потому что в сознании людей закрепилось, что татары – это на 100 процентов мусульмане. ...Профессор Казанской госу-

дарственной академии культуры и искусств Татьяна Дунаева, проведя контент-анализ местных СМИ, поделилась таким наблюдением: за весь этот период положительно отозвались о кряшенах только два человека – президент республики Минтимер Шаймиев и депутат Госдумы РФ Фандас Сафиуллин. Первый заявил, что татары должны быть благодарны кряшенам за то, что те сохранили древний татарский язык и культуру. Второй, что татары выступают по отношению к кряшенам в роли «старшего брата».²⁰

Стоит отметить, что Г. Макаров, будучи ученым и лингвистом, формулирует свое мнение весьма осторожно, характеризуя процесс, тенденцию сближения сравниваемых лингвем (и указывает механизм этого сближения – владение кряшенами обоими лингвемами и преимущественное использование татарского у кряшен-горожан), что, отчасти стирается и нивелируется в гораздо более категорично звучащем выводе журналиста («большой разницы между татарским и кряшенским языками нет»). Многие лингвисты склонны считать наличие литературной нормы главным признаком различий между лингвемами двух основных уровней – языкового и диалектального. Однако кряшенский обладает собственной письменной традицией и по этому признаку как раз вполне может претендовать на признание в качестве самостоятельного языка. Такого мнения придерживается Д.М. Насилов, цитируемый в одной и прокряшенских публикаций:

Давно признаны и мало кто спорит о коренных различиях в культуре, быте, обычаях и многом другом между кряшенами и татарами, налицо наличие и рост самосознания, конфессиональное отличие. Кряшенский язык, представленный в религиозной литературе и освященный более чем вековой традицией использования в богослужбной практике, плохо соотносится с литературной нормой современного татарского языка. Попытки же в татарской языковедческой литературе язык кряшен рассматривать как диалектные варианты общенационального татарского языка, а не как вариант литературной нормы, являются, как отмечает профессор Д.М. Насилов, странными.²¹

Тот факт, что кряшенская литературная традиция остается, по существу, узкофункциональной и сосредоточивается на обслуживании конфессиональных нужд (вероисповедный язык), по всей видимости, подтверждает отмеченную Г. Макаровым тенденцию к сокращению использования кряшенского за пределами семьи и церковной общины, что в перспективе не может не вести, во всяком случае – у кряшен-горожан – к утрате диглоссии и переходу на татарский. Об узкофункциональном характере кряшенской литературной традиции свидетельствует приведенная А. Журавским информация о публикациях на кряшенском:

Сами кряшены отказываются называться «крещеными татарами», считая себя народом, чья история, культура, вера и, отчасти, язык отличаются от татарской истории, культуры, веры и языка. ... Община в Казани стала духовным центром для всех кряшен Поволжья. Сюда приезжают кряшены из различных сел, городов Татарстана, а также из других республик – Башкортостана, Удмуртии, Чувашии. Приезжают поделиться собственными проблемами, приобрести литературу на родном языке. Литературы

*этой, увы, мало. Издаётся она небольшими тиражами на скудные средства казанской общины и очень быстро раскупается. Несколько раз помогал греческий монастырь Параклит, издававший за свой счет Евангелие, апостол и Псалтирь на крымском языке. Государственные и общественные структуры в этом вопросе оказываются безучастны. Но надежды крымцы не теряют...*²²

На проблемах языка обстоятельно останавливается Председатель исполкома РНКЦ крымцев Татарстана Виталий Абрамов, который также подчеркивает узость функциональной сферы крымского и его преимущественное использование в сельской местности:

*Особое беспокойство сегодня вызывает положение с крымским языком. Он материнский по отношению к татарскому. Татарские филологи называют крымский язык диалектом, но для нас – это наш родной крымский язык. Причем, язык, сохраняющийся в чистоте преимущественно на бытовом уровне и в основном в сельской местности, в местах компактного проживания крымцев. Сегодня необходимы срочные меры по сохранению и развитию крымского языка.*²³

Мимо его внимания не проходят и основные нормы российского законодательства в языковой сфере:

*Согласно «Декларации о языках народов России» (от 25 октября 1991 г.) крымцам должно быть предоставлено право на «равные возможности для сохранения, изучения и развития» собственного языка. В той же Декларации утверждается, что особое внимание государство должно проявлять к народам, «не имеющим своих национально-государственных и национально-территориальных образований». В этом отношении крымцы имеют законное право на государственное содействие в развитии, изучении и сохранении собственных языковых традиций.*²⁴

Первоочередная поддержка тех языковых сообществ, которые либо не имеют собственных административных территорий в составе РФ, либо проживают за пределами таких территорий (по нашим расчетам в стране таких около 9 млн. чел.), обусловлена стоимостным измерением языковой поддержки. В стране никто всерьез не занимался экономической оценкой политики языковой поддержки. Поддерживать на одном уровне все языки, на которых говорит население страны (иногда – всего несколько человек, как в случае водского и югского языков) невозможно, но в настоящее время еще не разработаны принципы распределения ресурсов между языковыми сообществами. Проблема эта непростая, так как в одних случаях речь идет о миллионных языковых сообществах (татарское, башкирское, чувашское), а в других – о насчитывающих менее тысячи человек, при этом по некоторым параметрам (подготовка учебников, учителей, научного обоснования) затраты на поддержку многотысячных и малочисленных сообществ могут оказаться сопоставимыми. В то же время международный опыт свидетельствует, что даже в сравнительно небольших по территории языковых анклавах цена языковой поддержки обычно превышает миллионы долларов²⁵. Учитывая, что у нас в стране проживают представители более 170 языковых сообществ, оценочная стоимость только языковой поддержки в масштабах, аналогичных европей-

ким, во много раз превысит бюджет страны. Я здесь намеренно взял только языковой аспект политики аффирмативных действий, который, являясь ее частью, оказывается, по определению, дешевле стоимостного измерения этой политики в целом. Следовательно, мы вынуждены выбирать, кого поддерживать в первую очередь, и ориентация норм «Декларации о языках народов России» на первоочередную поддержку «народов, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований» экономически вполне оправдана.

В.В. Абрамов затронул в своем докладе о положении крымцев и политически острую проблему выбора алфавита. Переход татар РТ на латиницу создает дополнительный барьер между ними и теми сообществами тюркофонов, которые не желают этого перехода или не имеют возможностей для его обеспечения (им потребуются значительные финансовые средства для переоборудования типографий, смены вывесок и т.п., однако источники этих средств за пределами Татарстана не определены).

В связи с широко дискутируемым в обществе предстоящим переходом татарского народа на латиницу крымцы Татарстана и других регионов пришли после обсуждения к следующему мнению: единственно возможной для нормального функционирования и развития крымского языка сами крымцы признают только кириллицу, как традиционную и наиболее соответствующую культурным и вероисповедным особенностям крымского этноса. Вместе с тем, вопрос об использовании дореволюционной или современной орфографии крымского языка требует дальнейшего изучения. На данном этапе следует признать, что крымский язык в дореволюционной орфографии является прежде всего богослужебным, литургическим языком. В то же время, именно богослужебная литература в дореволюционной орфографии способствовала сохранению в советское время национального и религиозного самосознания крымцев. Авторитет дореволюционного крымского алфавита, разработанного Н.И. Ильминским и о.Василием Тимофеевым, чрезвычайно высок и имеет важное культурное и историческое значение.

Вместе с тем, большая часть крымцев, обучавшаяся в татарских и русских школах, привыкла к современному татарскому алфавиту. Это также следует учитывать в выработке стратегии развития крымского языка. Необходим научный филологический анализ, осмысленный и серьезный подход к проблеме крымского языка. Следует поставить и решить задачу по выработке государственной программы исследования, сохранения и развития крымского языка. В рамках этой программы должны быть выработаны эффективные меры по исследованию филологических и фонетических особенностей крымского языка, по разработке и научному изданию крымского словаря. Должны быть осуществлены филологические экспедиции в места компактного проживания крымцев для фиксации особенностей различных крымских диалектов и пополнения крымского словаря. Наконец, крымской интеллигенцией, духовенством и филологами на соответствующих научных форумах, конференциях и круглых столах должна быть обсуждена проблема крымской орфографии и принято консолидированное

решение по этому вопросу. Вся эта работа должна быть проведена в ближайшее время, с тем чтобы затем приступить к изданию учебной и методической литературы по кряшенскому языку для средних школ и вузов.²⁶

Между тем, для конструктивистов проблема решения вопроса о «кряшенской самостоятельности» лежит в совершенно иной плоскости, да и сам вопрос вряд ли бы мог звучать в той формулировке, в которой он стал известен широкой публике и обсуждается здесь. Проблема смещения и интерференции различных дискурсивных полей встает здесь в полный рост. В самом деле, на каком языке должен вестись диалог между сторонниками различных взглядов на этническое, если часть тем либо не проговаривается на языке конкретного подхода, либо считается в нем бессмысленной? Для сторонников теории систем и кумулятивного знания существование метаязыка даже не проблематизируется. Для остальных, то есть тех, кто констатирует в развитии знания разрывы постепенности и признает наличие конкурирующих парадигм, сама возможность существования такого языка ставится под сомнение. Не происходит ли в ходе налаживания диалога или дискуссии между сторонниками разных подходов выход за рамки научной логики в более публичную сферу, в которой строгость исходных научных понятий начинает с очевидностью уступать риторике убеждения?

При рассмотрении мозаики идентичностей, динамике лояльностей, меняющейся мотивации управления собственной идентичностью у конкретных лиц и сообществ, учете того очевидного обстоятельства, что исследователь постоянно сталкивается с конфликтующими или вложенными друг в друга (иерархическими) идентичностями, сцепленными в сложные комплексы социальных ролей, каждая из которых влияет на и оказывается под модифицирующим влиянием остальных, классифицирующая поляризация языковых, культурных, региональных, конфессиональных и политических лояльностей и ролей, расщепление их на взаимоисключающие классы оказываются невозможными, или произвольными. Именно произвол и насилие классифицирующего мышления, в особенности, если оно развертывается в рамках определенного политического проекта и обслуживает его, имеет очевидный инструментальный характер, должны стать объектами социальной критики.

В рассматриваемом нами противопоставлении *этногенеза* и *самосознания*, противопоставлении, сразу скажу, чтобы верно быть понятием, во много теряющем свою определенность за рамками данного конкретного случая, самосознание для конструктивистов приоритетно, а этногенез (точнее, *представления* о нем) может рассматриваться и учитываться ровно в той степени, в какой он (в качестве *социального представления*) является частью самосознания, актуальной и ситуативно актуализирующейся идентификации. Следует также подчеркнуть то редко учитываемое обстоятельство, что рассматриваемые в плане *самосознания представления* об этногенезе должны учитываться именно в этом качестве, то есть в качестве представлений о происхождении и истории той общности, к которой сам человек себя причисляет. В противном случае это будут представления о других, которые, разумеется, не остаются без последствий для представлений о собственной группе²⁷, но не являются в прямом смысле слова представлениями о себе. О диа-

лектике отношений к себе и другим написано много, но следует писать много больше, поскольку обилие наблюдений, сделанных в этой сфере, все еще не перешло в качество и не стало фактом сознания российского общества. Во всяком случае, оно нисколько не препятствовало попыткам представителей татарской элиты определять судьбы кряшен на том основании, что это, дескать, против них, татар, все задумано. Болезненно ощущая любую несправедливость, исходящую из Москвы, эти же самые люди эффективно вытесняли мысль о том, что они пытаются подавить волеизъявление меньшинства и блокировать участие его представителей в обсуждении проблемы, непосредственно затрагивающей кряшен.

Известный специалист по этнической демографии С. Брук, рассматривая этнический состав страны по результатам переписи 1989 г., написал:

«Вызывает сомнение и объединение близких по языку и культуре этносов в более крупных народы, проведенное в 1920-30-е годы сверху, зачастую вопреки воле этих этнических групп», добавив, что *«так называемые сибирские татары, а возможно нагайбаки, кряшены и некоторые другие имеют не меньшее основание считаться самостоятельными этносами, чем частью татар»*²⁸.

Здесь уместно подчеркнуть не столько тот факт, что ученый сомневался в правильности отнесения перечисленных им групп к татарам, сколько фразу *«вопреки воле этих этнических групп»*, являющуюся, с моей точки зрения, ключевой. Насколько мне известно, здесь впервые в истории отечественной этнографии само классифицирующее мышление оказалось под вопросом.

Мне уже приходилось отмечать, что и способы проведения переписей, не только в нашей стране, но и практически повсюду, где используются классификации населения по этническому принципу, продолжают нести на себе печать патернализма и автократии, характерных для имперского стиля управления²⁹. Так называемые «экспертные решения» по различным аспектам проведения переписей остаются сконцентрированными на верхних этажах управленческой иерархии, несмотря на существующие технологии консультаций, экспертиз, рецензирования и т.п. Финальный продукт – классификация населения по языковым, культурным и этническим характеристикам – производился и продолжает производиться без учета или при минимальном учете мнения тех, кого непосредственно касаются переписные технологии. Процедура принятия решений остается «полупрозрачной», что обусловлено, не в последнюю очередь, неясностью аргументации в пользу того или иного решения, двойными стандартами в подходах к разным категориям населения и т.п. Иногда аргументация специалистов носит столь наивный характер, что не убеждает их самих и заставляет их избегать дискуссий, которые сделали бы очевидной противоречивость их позиции. Все эти далекие от демократических процедур характеристики роднят многие из современных классификационных процедур и подходов с идеологией и практикой колониализма. Значение самосознания, оценки самого сообщества по поводу собственной уникальности, отдельности и самостоятельности подвергается в этих условиях очевидной инфляции, не становится решающим аргументом в пользу суждения о «классификационной полноценности» данного

сообщества, возможности его включения в классификацию на равных с остальными классификационными единицами основаниях.

Нагруженность такого рода лишь по видимости «чисто научных» или «технологических» классификаций политическими импликациями обусловлена тем контекстом, в котором данные классификации функционируют и теми реальными последствиями, которые вытекают из подобных приведенному выше «абстрактных и схоластических» споров. Следует помнить, что в условиях российской (и шире – постсоветской) действительности, в которой сохраняются все элементы прежней институциональной среды, обслуживавшей сферу этнического, статус конкретного сообщества продолжает выражаться в наборе особых и зачастую негласных прав, льгот и привилегий, узаконивает доступ к ним. Чтобы получить представление о том, какие именно элементы теоретических представлений об этническом инструментально использовались в идеологических и политических дискуссиях по «крышенскому вопросу» обратимся непосредственно к рассмотрению современных концептуализаций этничности, бытующих в России.

2. О теориях этнического и их институализации

Дисциплина, в рамках которой до сих пор в основном проходило изучение всего этнического, имеется в виду этнология (*ethnology, ethnologie, Völkerkunde*), достигла уже такого почтенного возраста, что у нас каждый год – юбилейный, хотя, нужно признать, что сами исследования этнического не были так уж богаты событиями. Просто прошло по самым скромным подсчетам больше века (а по оптимистичным – более полутора веков), как эта область знаний обособилась и стала восприниматься в качестве отдельной и самостоятельной науки. Между прочим, ее становлением мы отчасти обязаны философам, и здесь я намекаю отнюдь не на Ф. Энгельса, столь удачно популяризовавшего воззрения Л.Г. Моргана на происхождение семьи, частной собственности и государства, а на И. Канта, вроде бы и не имеющего непосредственного отношения к становлению этнологии. Прошло ровно 222 года с того времени, как свет увидел его «Критику чистого разума» – цифра, если следовать распространившейся моде на числовой фетишизм, достаточно круглая, чтобы быть поводом хотя бы для того, чтобы вспомнить само событие, со следами которого мы постоянно сталкиваемся, хотя и далеко не всегда опознаем эти столкновения как таковые. Какое отношение этот мнимый юбилей имеет к теме нашего обсуждения?

Здесь уместно напомнить о том, что генеалогия современных научных представлений, имеющих отношение к описанию и анализу сферы этнического, сложна и гетерохронна, различные компоненты этих представлений возникли отнюдь не одновременно и берут начало из разных истоков. Весьма вероятно, что появление трактата И. Канта лишь в незначительной степени повлияло на судьбы антропологии в целом, однако я утверждаю, что оно самым непосредственным образом сказалось на становлении российской этнографии и выборе ее предмета, поскольку именно с появления этой книги можно вести отсчет истории кризиса субъекта в европейской культуре, того

самого кризиса, который породил затем романтическую реакцию и, уже в качестве ее побочного продукта – увлеченность исследованиями фольклора, народной культуры и национального характера.³⁰ Не появившись этой книги и кантовской критики картезианской субъектности, кто знает, как бы сложились судьбы той эзотерической области знаний о Других, которая впоследствии получила статус особой научной дисциплины, и уж тем более стало бы невозможно объяснить удивляющую наших западных коллег всепоглощающую сосредоточенность отечественной этнографии на *этническом*.

Другой юбилей, который вряд ли будет как-то отмечен и замечен, разве что иронически – но имеет еще более прямое отношение к предмету, о котором я намереваюсь говорить – 90-летие статьи И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Между тем, невзирая на иронию, с которой мы рассматриваем идеи вождя с высоты нашей постсовременности, именно в этой статье он резюмирует некоторые идеи австромарксистов (и не удивительно, ведь статья писалась в Вене), в частности, Р. Шпрингера (К. Реннера) и О. Бауэра, чья концепция персональной (экстерриториальной) автономии до сих пор жива и воплотилась в России в законодательство о национально-культурной автономии. В этой же статье предлагается и знаменитое определение *нации*, более полувека затем преследовавшее отечественных этнографов и то и дело напоминающее о себе в их определениях *этноса*. Давайте вспомним его и мы:

*Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.*³¹

Теория этноса. Чтобы получить представление о степени преемственности отечественных концептуализаций этнического, сравним это определение 1913 г. с определением *этноса*, предложенном почти 70 лет спустя известным советским теоретиком в этой области Ю.В. Бромлеем:

*«...исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»*³²

Налицо все основные фигуры мысли, которые свойственны так называемой примордиалистской трактовке *этничности*: **территориализация** этнического, **унификация** культуры, языка и психики в рамках выделяемых сообществ, **реификация** или **натурализация** этнических различий и **гипостазирование** самого определяемого понятия, чрезмерное расширение его рамок, попытка его универсализации. В дальнейшем я еще подробнее остановлюсь на этих характеристиках примордиализма. Сейчас лишь отмечу, что этот подход включал не только построения советских этнографов с их особым кругом чтения и политической культурой, но и целый ряд концептуализаций американских, британских и немецких этнологов и антропологов, а его основания можно усматривать в до сих пор не преодоленном наследии идеологии колониализма.

Если говорить конкретно об одной из версий примордиализма – советс-

кой теории этноса, то ее основы были сформулированы почти 35 лет тому назад³³ (еще один юбилей!), и практически одновременно вышла в свет книга под редакцией Фредрика Барта «Этнические группы и границы»³⁴, во введении к которой были сформулированы основные положения «конструктивизма» – направления в изучении и концептуализации этничности, противостоящего примордиализму.

Сейчас, по прошествии стольких лет, нас больше интересуют последствия этих оказавшихся программными публикаций, в том числе и последствия политические. Интерес представляют также более поздние оценки самих разработчиков этих концепций и попытки диалога между их последователями. Такие самооценки появились 20-25 лет после первых публикаций³⁵, но до сих пор остаются не слишком известными даже среди специалистов по той простой причине, что оценка Ю.В. Бромлеем собственных теоретических разработок была опубликована по-английски и в журнале, который не относится к числу основных, т. е. тех, что этнографы читают регулярно, а аналогичная статья Ф. Барта вышла в сборнике непрофильного издательства в Амстердаме, который не попал в российские библиотеки.

Имели ли концептуальные построения советских этнографов реальное политическое измерение, насколько они влияли, например, на оформление того или иного курса в национальной политике и обслуживающей ее совокупности идеологических, политических и правовых дискурсов? Это вопрос сложный и ответить на него однозначно невозможно. В истории советской и российской этнографии бывали периоды, когда этнологические знания получали почти мгновенную институализацию и воплощение в конкретных политических программах и мероприятиях (известный пример – 1920-е гг.). В другие периоды (и это, как мне представляется, именно наш случай) наука и ее данные использовались политиками лишь в качестве своеобразного ресурса: авторитет научных суждений или простых ссылок на науку придавал дополнительный вес политическим решениям, принимаемым уже без консультаций с учеными. Однако во все периоды существования государства в последние полтора века научные знания оказывали и менее непосредственное влияние, определяя горизонт политических возможностей, саму конфигурацию пространства принятия политических решений, категориальный аппарат и систему различений, которыми оперировали практики в своей управленческой деятельности в различных социальных сферах. Это более опосредованное влияние труднее документировать, но легко почувствовать в стенах министерств и ведомств. Еще двадцать лет назад в этих стенах не звучали слова «этническое», «этнос» и, тем более, «этничность»; их место занимали такие термины как «нация», «национальный вопрос», «межнациональные отношения» и т.п. Сегодня в тех же коридорах слово «этнос», благодаря Л.Н. Гумилеву и Ю.В. Бромлею (а отнюдь не С.М. Широкоговору и Н.М. - Могиланскому, введшим это понятие в научный оборот еще в начале XX века), звучит всякий раз, когда речь заходит о «национальной политике». Слово «этничность» и все концептуализации, в которых оно используется, остаются плохо освоенными российским политическим истеблишментом. Здесь, как обычно, сказываются профессиональные и статусные барьеры,

замедляющие усвоение всего нового и создающие эффект путешествия во времени для тех, кто перемещается между разными дискурсивными формациями.

Ю.В. Бромлей и его соавтор В.И. Козлов начинают свою статью с обзора дискуссий по теории этноса, проходивших в советской этнографии в 1960-80 гг., и в целом весьма позитивно оценивают ее результаты, специально отмечая особую роль этнического самосознания как фундаментального признака этноса в их теории. Уместно подчеркнуть, что статья писалась для западной аудитории и что она была опубликована в 1989 г. – в тот период, когда отечественная этнография переживала довольно глубокий кризис, связанный со сменой концептуальных ориентиров. В это время некоторые из соавторов данной концепции, например С.И. Брук, начинали утверждать, что самосознание вообще является главным, а часто единственным признаком этноса³⁶. Такая субъективизация этнического – комбинарованное следствие внутреннего кризиса советской концепции этноса³⁷ и растущего влияния в мировой антропологии конструктивистской теории этничности и так называемого нового институционализма.

Теория этничности. Одной из ключевых работ в рамках конструктивистских концептуализаций этничности волею исторического случая стал уже упомянутый выше сборник, вышедший под редакцией Ф. Барта, «Этнические группы и границы», в особенности его введение, написанное самим редактором³⁸. По прошествии 25 лет ее автор предпринял попытку суммировать основные положения своей концепции, выдержавшие тест времени. По его признанию свой подход к концептуализации этничности он разрабатывал на основе теории корпоративных групп британской социальной антропологии и работ Э. Гоффмана по определению ситуации в социальном взаимодействии. Характерными чертами подхода стала фокусировка внимания на лицах, сменивших этническую идентичность (в статье Ф. Барта – пример с патанами и белуджами) – как раз тех самых персонах, которые считались исключением из правил и практически не играли роли в разработке той версии теории этноса, которая оказалась связанной с именами Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова и их коллег.

Этническая идентичность рассматривалась Ф. Бартом как характеристика социальной организации; культурная «начинка» таких групп из-за ее высокой изменчивости и разнообразия его интересовала меньше. Признаковому (атрибутивному) классификационному подходу, за основу которого принимаются *маркеры* или групповые *свойства*, Ф. Барт предпочел интеракционные классификации, где основой объединения множеств выступает плотность связей между их элементами (плотность взаимодействия).

Отличительной чертой подхода Ф. Барта стала фокусировка его внимания на процессах воспроизводства границ между различными сообществами (*vs.* внимание на культурные характеристики, которые охватываются данными границами) и процедурах рекрутирования новых членов групп. Результатом стало его заключение, что этнические границы и охватываемые ими группы воспроизводятся в особых исторических, политических и экономи-

ческих контекстах и являются в высокой степени ситуационными, а отнюдь не исконными, как это утверждается в примордиалистских концепциях. Внимание к процедурам рекрутирования новых членов обусловило изучение процессов приписывания членства и самоприписывания к группе (самоидентификации) и позволило иначе определить объект изучения – не *культурная группа*, но *группа членства*. Культурные различия в этой перспективе приобрели инструментальный характер: они использовались людьми как инструмент в определении границ группы. При этом в качестве маркеров нередко фигурировали относительно новые, но свойственные именно данной группе черты, а вовсе не традиционные, исконные, наиболее репрезентативные для группы характеристики, которые выделялись специалистами – этнографами, социологами и другими профессиональными аналитиками.

Социологическая теория «нового институционализма» дала ключ к пониманию сложного взаимодействия социологии научного знания и социальной практики, «вплощающей» это знание в институциональные структуры. Ее особенностью (в отличие от «старого» институционализма в социологии и институционализма, основанного на моделях рационального выбора в экономике и политологии) является подчеркивание того обстоятельства, что социальные институты не только ограничивают, опосредуют и направляют социальное действие и социальный выбор, но в прямом значении термина конституируют агентов этого действия и их интересы. Выявленная новым институционализмом активная роль социальных институтов позволяет иначе взглянуть на роль социальных классификаций (в том числе – этнических): социальная реальность не только производится и воспроизводится социальными агентами в соответствии с их представлениями, но и «воспроизводится» в производимых этими агентами описаниях.

Примордиализм в связи с этим начинает выглядеть как *продукт определенной институциональной среды*. Гипостазирование понятия «этнос» и попытки сделать его универсальным, а соответствующую концепцию – справедливой для всех социальных контекстов, регионов и исторических эпох – это очевидный сегодня случай концептуального империализма, расширение собственных представлений, выработанных в совершенно конкретных идеологических и институциональных условиях и ограниченных этими условиями – до пригодных для описания любых обществ и культур, когда-либо существовавших на планете. Этот случай интересен для критики и сегодня, поскольку ошибка гипостазирования встречается нередко. Я не случайно уделяю такое внимание наличию особых институциональных условий, или *уникальной институциональной среды*, сложившейся на основе объективации примордиалистских воззрений на природу этничности. При таком взгляде, советская теория этноса начинает рассматриваться как своеобразный продукт советского этнического федерализма и производной от такого государственного устройства государственной институализации «национальной политики», а также таких советских практик как паспортная и переписная регистрация национальности (в этой перспективе становится понятным, почему кряшенам и другим народам, не попавшим в переписи «отдельной строкой», становится так важно войти в переписной словарь национальностей в

качестве полноправной единицы).

Однако чьи воззрения объективировались в этой среде? Ведь налицо определенный цикл – исконнические представления опредмечиваются, воплощаются в практиках управления и социальных институтах и создают тот тип социальных агентов, который не только разделяет эти представления но и, рефлектируя их, производит соответствующие самоописания, именуемые концептуализациями или теориями этнической реальности. И если в советской теории этноса «просвечивают» сталинские представления о нации, а вслед за ними и австромарксистские построения на эту же тему, то на что опирались австромарксисты и российские большевики, какой тип институциональной среды был ответствен и лежал в основе их представлений? Здесь перед нами возникает чрезвычайно интересная проблема роли империй и имперского устройства в порождении субстанциалистских воззрений на природу этнического.

Невозможно не заметить, что исконнические (в западной терминологии – субстанциалистские или примордиалистские) интерпретации этнической реальности легко интегрируются в националистические идеологии и картины мира. Настолько легко, что возникает подозрение, что сами эти интерпретации сформировались если не в лоне, то под сильным влиянием националистической идеологии. Этим также может объясняться поразительный успех в сфере институализации разрабатываемой в отечественной науке теории этноса. Лишь государственная институализация этничности, включающая паспортную фиксацию и переписной учет, обусловила некоторую устойчивость и преемственность этнических подразделений в ситуации, которую иначе можно было бы обозначать как «этническую индифферентность».

Таким образом, примордиалисты и конструктивисты, по всей видимости, описывают разные реальности и институциональные контексты, иногда распространяя собственные описание в «чужие» пределы, то есть придавая им излишне универсальный характер. Конструктивисты, вскрывая конкретные механизмы социальной обусловленности массовых репрезентаций, не всегда принимают во внимание то обстоятельство, что их теория в свою очередь является социальным самописанием, то есть «репрезентацией репрезентаций», теорией метауровня, описывающей процессы институализации социальных представлений (например, представлений об этническом). Отношение различных версий примордиализма и инструментализма к конструктивистской теории можно было бы сравнить, скажем, с отношением физики Ньютона и физики Эйнштейна. Первая вполне адекватно описывает поведение макрообъектов, в то время как вторая имеет гораздо более широкую область приложения. Это дает возможность сформулировать гипотезу, что определенная теория этничности порождена определенными типами агентов и отражает ту среду деятельности, в которой эти агенты оперируют. Иными словами, если речь идет о теориях этнического, то разные теории описывают различные институциональные среды и остаются адекватными лишь в границах этих сфер.

Этим выводом можно было бы завершить наш экскурс в теории этнического, если разделять взгляд на человека как на существо политически апа-

тичное. Однако, как известно, люди стремятся влиять на выбор режима правления. В этой связи констатация зависимости человеческих представлений от институциональных особенностей остается одномерной, плоской и малопродуктивной. Чем грозит выбор в пользу той или иной концептуализации этнического и какие практические следствия этот выбор будет иметь в случае, если власть возьмет на вооружение одну из них – вот что интересно на самом деле.

Хочу в этой связи сказать, что в риторике, где этничность территориализована и политизирована, всякое сомнение относительно легитимности наличных институтов моментально переводится на язык территориального передела и дележа ресурсов и воспринимается доминирующим сообществом как угроза. Территориализация этничности, разделение населения на пришлых и коренных, своих и чужих, приводит, помимо роста конфликтности в обществе, к возникновению в политическом дискурсе (а через него – и в законодательстве) политики ассимиляции или этнических чисток. Коллективные права, которыми наделяются умозрительные «коллективные субъекты» («этносы» и «нации») влекут за собой правовой коррелят коллективной ответственности, что концептуально оправдывает депортации и геноцид³⁹.

В законодательствах многих стран мира существуют, например, такие особые субъекты права, как «коренные народы». Изначальная логика выделения их в качестве носителей особых прав заключалась в том, что эти люди не желают интегрироваться в так называемую индустриальную цивилизацию, не разделяют ценностей прогресса и отказываются включаться в систему глобального разделения труда. В то же время их экстенсивное хозяйство требует значительных площадей и особого режима в поддержании природных ресурсов на этих территориях. Отсюда – особые права на занимаемые ими земли и территории. Как правило, изначально и исконность таких народов относительна, а их рассмотрение как «природных обитателей» конкретной территории связано не только с конкретной историей колониального завоевания, но и с определенной фигурой колониального мышления, т.н. территориализацией этничности, при которой происходит своеобразное приписывание определенных групп населения к земле, их метонимическое «закрепление», когда не только образ жизни и культура, но и особенности мышления этих людей мыслятся как детерминируемые природой данной территории. Генеалогически эта фигура мышления связана с точкой зрения европейского натуралиста-путешественника, при которой население любой территории рассматривается как неразрывно принадлежащее этой территории, в то время как способностью перемещаться в пространстве наделяется лишь путешествующий. Интересно отметить, что в современном словоупотреблении термин обычно не применяется к народам, находившимся в зависимости от неевропейских государств – например, к курдам, берберам и т.п.

Что происходит в юридическом отношении с этой категорией народов сегодня? Я коснусь лишь России. Принятое законодательство, в особенности закон «О коренных малочисленных народах РФ», включает в перечень, помимо народов Сибири и Севера, например, народы Дагестана, хорошо интегрированные в рыночную экономику и не нуждающиеся в дополнитель-

ных льготах и привилегиях, выделяемых по признаку этнической принадлежности. Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» охраняет «народы», хотя по логике вещей должен был бы защищать права только той части населения, сфера занятий которой может определяться как «традиционное хозяйство» (оленоводство, охота, рыболовство, собирательство, промысел морского зверя). В результате, например, шорцы, народ, нужно отметить, на 80% урбанизированный, освобождены от несения воинской повинности, а проживающие рядом с ними в тех же поселках и условиях хакасы – нет. В соответствии с духом международного законодательства, однако, очевидно, что распределение льгот и привилегий, связанных с ведением традиционного образа жизни должно осуществляться не на основе национальной принадлежности и ее официальной фиксации в документах, но исключительно на основе занятости населения и факта ведения конкретным лицом традиционного образа жизни, форм хозяйства и места проживания.

Хочу повторить, что в риторике, где этничность территориализуется и огосударствуется, всякое сомнение относительно легитимности наличных институтов моментально переводится на язык территориального передела и дележа ресурсов. Разные общества используют различные стратегии, чтобы ослабить или устранить эту угрозу. Западные демократии чаще идут по пути распрямления и деполитизации этнического, демонтажа институтов, связывающих этничность и власть, этничность и политику, этничность и государство, что достигается, не в последнюю очередь, за счет подчеркивания процессуального характера этничности, множественности социальных идентичностей и идей аналогичных «гражданской нации». Россия, с ее глубокой институализацией натуралистических представлений об этничности – этнофедерализмом, «национальной политикой», поддерживающей иерархию статусов и привилегий, «приписываемых» в зависимости от этнической принадлежности людей, особыми традициями госстатистики и т.п., к сожалению, в большинстве случаев избирает иные стратегии. Институализованные категоризации и классификации, становясь частью нашей реальности, редко уже затем проблематизируются и остаются практически незаметными, своеобразными автоматизмами ориентации и различения, социальной топологией населяемого нами мира, легитимность которой уже не ставится под сомнение.

В завершении рассмотрения теоретических построений хочу заметить, что, с моей точки зрения, этничность всегда политизирована и не существует вне сферы политического. Политизация культурно-языковых различий (в отличие от политизации различных конфессиональных, сословных и локальных) произошла в истории человечества сравнительно недавно, в Новое время, и отнюдь не одновременно не только в разных странах, но и в рамках нашей собственной державы, поэтому рассуждать о древности народов, «этногенезах» и тому подобных вещах, значит проецировать формы европейского сознания эпохи модерна в чуждые для него исторические пределы, чему, вроде бы, должен препятствовать профессионализм историков, этнологов и антропологов с их чувствительностью к специфике иных исторических контекстов и культурных миров. Что касается бытовых представлений о формах

существования этнического (а профессиональное сознание ничем не «отгорожено» от сознания обыденного), то здесь действует известный социологический принцип – любые, даже самые экзотические представления, сколько бы иррациональными и необоснованными они ни были – реальны в своих последствиях. Устойчивость «онтологических представлений» об этническом в нашей стране, как и в некоторых других европейских странах, сохранившихся идеологическую преемственность с упражнениями немецкого неоромантизма в духе Гердера на темы *Blut und Boden*, поддерживается глубокой институализацией этих представлений. В результате мы имеем дело с особой институциональной средой, в которой этносы-народы мыслятся как существующие с изначальных времен, обладающие исторической родиной («почвой») и единством («кровью»). Эти представления поддерживаются всей мощью государственных институтов (этнонациональный принцип в устройстве федерации, особые статусы и режимы гражданства для национальных меньшинств и коренных народов, разветвленное законодательство в сфере «национальной политики», устоявшиеся формы политического и научного дискурсов, наконец, переписи как один из важных инструментов «овеществления» этнических классификаций). Коль скоро институциональная среда является частью социологической реальности, описания современного существования наших обществ с позиций примордиалистских теорий этничности оказываются парадоксальным образом адекватными этой реальности. Однако их адекватность не стоит преувеличивать. Ограниченные рамки особого институционального устройства и связанного с ним дискурса⁴⁰, они теряют объяснительную силу за их пределами. Помимо этого, преодоление имперского и колониального наследия должно когда-то привести к демонтажу этих институтов, а выбор правильных теоретических ориентиров лишь поможет в этом.

3. Категория «татары» и «кряшенская проблема» в переписи населения 2002 г. *

Продолжающаяся полемика вокруг различных сюжетов, связанных с проведением первой постсоветской переписи в России, настолько обширна (сегодня библиография по этим сюжетам включает уже десятки тысяч публикаций и это число продолжает стремительно расти), что охватить даже наиболее острые и методологически интересные из них в рамках одной небольшой статьи представляется невозможным. Существует, однако, ряд тем, в которых, как в зеркале, отразился практически весь набор методологических проблем, вставших перед разработчиками переписного инструментария. В этот ряд безусловно входит и рассматриваемая здесь так называемая «татарская проблема», обсуждение которой и является предметом предлагае-

* Более ранние варианты и некоторые материалы, использованные в этой статье, были представлены в журнале *Ab Imperio* (Казань, 2002, № 4, стр.207-234, 251-269) и сборнике статей «Этнография переписи-2002» (М., 2003, стр.314-350), а также на конференции “Nationalism, Identity and Regional Cooperation: Compatibilities and Incompatibilities” в Университете Болоньи (Форли, Италия 4-9 июня 2002 г.)

мых читателям наблюдений и размышлений. Число публикаций, так или иначе касающихся этой проблемы, уже сегодня составляет несколько сотен. Их обзор – задача сложная, но разрешимая, поскольку значительная часть этих публикаций сосредоточена на обсуждении ограниченного набора узловых вопросов.

Целью этого рассмотрения является, тем не менее, не еще одно обсуждение тем, так или иначе затронутых в журналистской кампании, сколь бы серьезными они ни были, но их обсуждение именно в связи с методологией переписи. Такой угол зрения на проблему заставляет обратиться к более широкому кругу источников, нежели сообщения в средствах массовой информации. В моем распоряжении как члена комиссии, готовившей инструментарий переписи в части перечней национальностей и языков, оказалось множество документов из текущего архива Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), стенограммы обсуждений этой проблемы в российском правительстве и Госдуме, протоколы ученых советов Института, в повестку которых входило обсуждение этой проблемы, научные отчеты о командировках в Татарстан, аналитические записки, другие материалы, вошедшие в базу данных ИЭА РАН по переписи 2002 г.⁴¹ Многие из этих материалов, с соответствующими ссылками, используются в приводимых ниже рассуждениях, поскольку несомненно проливают свет на взаимоотношения знания и власти, политики и науки, методологии и технологии, сюжетов, как известно, интимно связанных с воспроизводством, с одной стороны, и деконструкцией, с другой, Империи и поддерживающих ее технологий.

Публичное обсуждение «татарской проблемы» из-за полярности представленных точек зрения и ошибочности некоторых утверждений оказалось довольно запутанным и сложным, поэтому уместно начать ее анализ с изложения хронологии событий, так или иначе с ней связанных. По ходу изложения этих событий я попытаюсь комментировать некоторые методологически значимые сюжеты.

Известно, что любой переписи населения предшествует этап разработки ее инструментария, в который, если иметь в виду прежде всего предшествующие переписи в нашей стране, входили, помимо прочего, «Перечень национальностей для разработки материалов переписи населения» (иногда именуемый «Словарем национальностей»), «Алфавитный словарь национальностей» (в новой переписи – «Алфавитный словарь национальностей и этнических наименований»), «Алфавитный словарь языков» и «Систематический словарь национальностей и языков». Как правило, разработкой этих словарей занимаются специалисты – ученые из академических институтов. Однако перепись – это не столько научное, сколько государственное и политическое мероприятие, и к числу наиболее интересных сюжетов относится малоисследованная, но методологически важная проблема, как здесь соотносятся различные «логики» – научная, административная, политическая и технологическая. Результат взаимоотношения этих логик и различных политических и научных решений нередко бывает противоречивым, что и отражают материалы всех советских переписей. Чтобы лучше это понять, обратимся сначала к истории российских переписей.

Рассмотрение современных этнических категоризаций, используемых в государственной практике сегодня, практически неизбежно влечет за собой обращение к документам ранних советских переписей, поскольку принципы, используемые донныне, были, в основном, разработаны еще в 1920-е гг. и непосредственно предшествовавший им период, связанный с деятельностью Императорского Российского Географического Общества (ИРГО) и затем Комиссии Российской Академии наук по изучению племенного состава населения России (КИПС).

Историческая справка. Известно, что по данным переписи 1926 г. на территории страны (без Западной Украины и Прибалтики) проживало 190 народов (разработка материалов была осуществлена для 178; сведения о 12 народах по причине их малочисленности в общей разработке материалов переписи не приводились⁴²). Историки помнят, что именно перепись 1926 г. была наиболее свободна от идеологического диктата и, хотя и не была вовсе лишена компромиссов, все же сохраняла определенную научную логику и ясность аргументации в выборе и обосновании решений. В материалах переписи 1939 г. упоминались уже только лишь 62 народа (а всего учтено было – 99)⁴³, и даже если учесть, что первая послесталинская перепись 1959 г. должна была бы показать более объективную и свободную от идеологического диктата картину, то все равно число категорий учета в ней едва превышало сотню (109 народов). Исчезновение 69 народов за 33 года – с 1926 по 1959 гг. – объяснялось процессами внутри- и межэтнической консолидации, естественной ассимиляции, а также исправлением ошибок учета, вследствие которых «субэтнические группы» учитывались как «самостоятельные этносы». Манипуляции списками народов, используемыми для этнической категоризации населения в ходе переписей, неоднократно выдавались за успехи социалистического строительства. *«При социализме процессы межэтнической интеграции усиливаются благодаря углублению экономических и культурных связей, отсутствию национальных и классовых антагонизмов»*⁴⁴.

Ю.В. Бромлей, один из авторов известной и получившей официальное признание теории этноса, сравнивая число народов, зафиксированных в переписях 1926, 1959 и 1979 гг., приходит к выводу, что если для периода 1926–59 гг. была характерна тенденция к уменьшению мозаичности населения страны, то в настоящее время (конец 1970-х гг.) *«пора наибольшей активности межнациональных и внутринациональных консолидационных процессов уже миновала»*⁴⁵. Очевидно, что выделение в переписи 2002 г. более 160 основных наименований национальностей (в первых вариантах *Перечня национальностей* их было около 200) должно по такой логике привести к констатации нового всплеска этнической дифференциации в стране. Речь, однако, здесь должна вестись не столько об этнических процессах слияния и разделения, сколько об изменении принципов классификации и степени либеральности политического режима, обеспечивающего право на свободную идентификацию граждан по этническому принципу или препятствующего его осуществлению.

Здесь уместно напомнить, что пересмотр принципов учета населения, принятых в переписном инструментарии дореволюционной России, главным образом, в переписи 1897 г., был вызван желанием нового правительства полнее учесть «национальный фактор», с одной стороны, и с критикой сложившихся к тому времени подходов этнографами, с другой. В отечественной историографии есть немало работ, посвященных истории переписей, однако до сих пор нет монографических исследований, которые были бы сфокусированы на истории этнических классификаций и категоризации населения по этническому принципу. Такая работа, однако, в значительной степени проделана нашими зарубежными коллегами⁴⁶, которые обращают наше внимание на первые десятилетия XX века как на особый период, сыгравший решающую роль в складывании особенностей современных этнических категоризаций в нашей стране.

Наиболее важную роль в формировании двухступенчатой процедуры учета этнической принадлежности (фиксация ответов в ходе переписи и последующая их перекодировка и сведение к заранее заданному перечню) сыграла возникшая еще при Временном правительстве Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС)⁴⁷, в которую вошли многие члены Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России ИРГО.⁴⁸ Между 1909 и 1915 гг. в Постоянной Комиссии ИРГО была собрана информация о языках, одежде, жилище и быте народов империи и подготовлены проекты этнографических карт.⁴⁹ В феврале 1917 г. за несколько недель до февральской революции, петербургские этнографы, озабоченные тем, что немцы организовали изучение этнографического состава ряда западных территорий (Литвы, Галиции, Буковины, Бессарабии и др.), обратились в правительство с предложением изучить племенной состав приграничных территорий европейской и азиатской России. Аналогичное обращение во Временное правительство в марте 1917 г., в котором подчеркивалась стратегическая и экономическая ценность этнографической информации, привело к тому, что к середине 1917 г. правительство одобрило бюджет для создания КИПС при Российской Академии Наук. Однако этнокартографическая работа членов КИПС была осложнена разногласиями относительно объективных критериев племенной и национальной идентичности. С.Ф. Ольденбург, председатель Комиссии, рекомендовал придерживаться языка и религии как основных показателей национальной принадлежности, информация о которых была доступна благодаря переписи 1897 г.⁵⁰ Другие этнографы считали, что язык является ненадежным показателем этнографического типа и предлагали взять в качестве определяющих другие, например, характеристики культуры и антропологического типа. Необходимо отметить, что представления об этнической идентичности в то время были довольно расплывчатыми, и в традициях большинства ученых, составлявших комиссию ИРГО, было принято ставить знак равенства между национальной принадлежностью, с одной стороны, и языковой и религиозной принадлежностью – с другой. Различия в специализациях (в комиссию, помимо этнографов, входили лингвисты, географы, антропологи) не позволили выработать общего подхода к определению национальности вплоть до переписи 1926 г.

В 1919 г. на основе языковых данных («национальности, определяемой по языку») была произведена делимитация границ между Украиной, Белоруссией и РСФСР. Однако, как оказалось, на востоке и юге страны язык переставал выглядеть как надежный показатель национальной принадлежности, и известный этнограф В.В. Богданов, член правительственной комиссии по делимитации границ 1919 г., даже сомневался в том, что язык в качестве показателя национальной принадлежности может использоваться за пределами европейской России.

Принцип национального самоопределения, принятый на вооружение новой властью, требовал выработки более строгих и стандартизованных критериев определения национальной принадлежности. В том же 1919 г. КИПС информировала Наркомнац о своей картографической работе. Чиновники Наркомнаца, работавшие совместно с ВЦИК над определением этнических границ в европейской России, запросили карты Украины и России и материалы по этническому составу Урала.⁵¹ В своей работе с этими организациями и Госпланом этнографы столкнулись с необходимостью проведения новых полевых исследований, поскольку данные переписи 1897 г. были признаны неполными и, отчасти, неверными. Уже к 1920 г. родной язык перестал рассматриваться членами КИПС как основной показатель народности, и этот подход был заменен довольно сложной методикой определения национальной принадлежности населения, включавшей вопросы об официальных и неофициальных наименованиях групп населения, родовых и территориальных подразделений в рамках отдельных народностей и т.п. Столь же детальные сведения собирались о языке и вероисповедании, причем выяснялись отношения и связи между «национальным самоопределением» и вероисповеданием. Все эти исследования, и дискуссии о принципах национального районирования и регионализации, позволили выработать новый подход, положенный в основу переписи 1926 г. и использованный затем во всех советских переписях. Главной чертой этого подхода, как уже упоминалось, стала двухступенчатая процедура определения национальной принадлежности.

В 1923 г. правительство объявило о намерении провести в 1925 г. первую Всесоюзную перепись населения. В марте 1923 г. несколько этнографов – членов петроградского отделения КИПС – встретились с чиновниками Наркомнаца и предложили более тесное взаимодействие. С.И. Руденко в своем докладе обратил особое внимание на то обстоятельство, что многие неточности и ошибки переписи 1897 г. были сделаны вследствие того, что перепись не содержала вопроса о национальности. КИПС было поручено провести опрос населения различных республик и областей с целью выяснения как население понимает «национальность» и выработки ее определения.

Формулирование вопросов и инструкций для будущей переписи заняло несколько лет и сопровождалось острой дискуссией между представителями различных подходов к пониманию национальности. В период 1924–26 гг. в КИПС были разработаны инструкции по регистрации национальности и составлен Список национальностей СССР. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, руководитель подкомиссии по переписи, подготовил список из пяти вопросов, который должен был помочь переписчикам определить национальность оп-

рашиваемых. Согласно его предложению, переписчики должны были узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в котором «он родился», принадлежность его к тому или иному вероисповеданию на время опроса, его разговорный язык в детстве, а также язык, которым он пользуется сегодня дома, наконец, его владение русским языком. Петроградский статистик А.А. Достоевский ратовал за более прямой вопрос «К какой национальности вы себя относите?»⁵² Однако многие этнографы сомневались, что вопрос в такой формулировке будет понят населением.

Предыдущая работа КИПС и, в особенности, полевые материалы исследований по вопросу национальности, выявили, что далеко не во всех регионах население понимает термины «национальность» и «народность»; у некоторых групп населения эти термины вообще не имели соответствий на родных языках. С другой стороны, имеющиеся в наличии разнообразные списки «объективных критериев» национальной принадлежности сами являлись предметом дискуссий. Помимо этого, полевой опыт некоторых этнографов позволял им заявлять, что не все ответы на вопрос о национальной принадлежности могут считаться «правильными». Так известный исследователь Средней Азии И.И. Зарубин рекомендовал, например, при ответе «сарт» у носителей узбекского языка записывать «узбек». Такие и им подобные сомнения и привели к *компромиссной идее двухступенчатой регистрации национальной принадлежности*. Более того, признавая разнообразие реальных ситуаций в разных регионах страны, руководство ЦСУ посчитало целесообразным проведение анкеты разными пакетами вспомогательных материалов для различных территорий. Сомнения в том, что население, в силу его неграмотности и отсталости, окажется способным дать «правильные» и «приемлемые» ответы привело к дифференциации самого вопроса о национальной принадлежности (на Украине его задавали в форме «национальность/народность»; в Закавказье вопрос о народности сопровождался устным комментарием переписчика с вопросами о национальности, племени, роде и т.п.) и узаконило тот подход, который преобладает сегодня, когда вопрос о национальной принадлежности дополняется процедурой группировки полученных ответов по заранее разработанным категориям учета на следующем этапе обработки переписи и в ходе подсчета ее результатов.

Серьезные сомнения в демократичности этой процедуры и научной и практической ценности данных, получаемых в результате ее применения, возникли не сегодня.⁵³ Двухступенчатая процедура регистрации национальной принадлежности (несмотря на усилия экспертов найти в ходе подготовки списков национальностей и языков оптимальные решения по ряду проблем научного, правового и политического характера) не может не нарушать право человека на выбор и определение собственной национальной принадлежности. Альтернативой этому подходу, как уже упоминалось выше, выступает принцип открытого списка, который отвергается Госкомстатом по причине технических сложностей обработки ожидаемого разнообразия ответов на вопросы о языковой и национальной принадлежности. С моей точки зрения, эти трудности не носят непреодолимого характера, в то время как старая процедура создает весьма серьезные политические, правовые и науч-

ные проблемы, однозначных решений которых вообще не предвидится.

В качестве отдельного примера можно взять одну из самых спорных категорий переписи – «татары». Хорошо известно, что в России татарами именовали весьма различные и часто не связанные по своему происхождению группы населения в самых разных регионах страны. Семантическое ядро этой мозаичной категории состояло из двух компонентов – тюркоязычности (преимущественно кыпчакские диалекты) и исламского вероисповедания (по преимуществу, принадлежности к суннитам). Однако исключений было довольно много. Часть таких «татарских» групп в Сибири, как, например, кузнецкие (абинские, кондомские и мрасские), черневые, мелецкие (мелесские) или чулымские татары, хотя и были тюркоязычными, но никогда не были мусульманами, причем, например, агрыжанские татары (известные также как одна из групп «татар трех дворов»), слившиеся позднее с юртовскими татарами, были по вероисповеданию индуистами, выходцами из Пакистана⁵⁴; а гилянские татары, также слившиеся позднее с юртовцами, были по происхождению татарами-христианами. Часть народов, именовавшихся в прошлом татарами (т.н. закавказские, или азербайджанские татары, горские, или пятигорские татары, «татарские» группы Южной Сибири), обрели в советских переписях самостоятельный статус и стали фигурировать под другими наименованиями (азербайджанцы, балкарцы и карачаевцы, шорцы, алтайцы, хакасы и чулымцы). Судьба других менялась от переписи к переписи. По современным представлениям, каких бы теоретических предпочтений ни придерживался этнолог, эта историческая композитная категория никак не может именоваться «народом», поскольку состояла и продолжает состоять из нескольких, не связанных общим происхождением и самосознанием сообществ. Лишь неразличающий взгляд извне, ассоциирующий тюркоязычность, магометанство и «восточный облик» с принадлежностью к «татарам» лежал в основе этого конгломерата. Взгляд изнутри разрушал это классификационное единство, обнаруживая существенные вероисповедные, языковые и культурные различия.

Тем не менее, на рубеже XIX – XX веков, и особенно в 1920-е гг., наименование «татары» стало активно использоваться некоторыми представителями национальной элиты Урало-Поволжья в качестве инструмента консолидации не имевшего общего национального самосознания населения этого обширного региона. В зависимости от политических симпатий и от того, какой из проектов консолидации представлялся предпочтительным для тех или иных представителей национальной буржуазии, духовенства и т.д., в качестве родового термина предлагались «мусульмане» (именно он в форме «моселман» был наиболее распространенным самоназванием у тюркоязычного населения региона), «тюрки», «тюрко-татары» и «татары». Как известно, победил термин «татары». Его выбор обуславливался особенностями мобилизации определенной версии национальной истории, необходимой для строительства татарской политической нации, в частности, ранними эпизодами борьбы за болгарское наследие, развернувшейся в полную силу лишь к концу XX века, а первоначально связанной с желанием сохранить позиции ислама в Поволжье. Термин «татары», как это продемонстрировал в своих публи-

кациях Роберт Джераси⁵⁵, позволял идеологу объединения татарской нации Ш. Марджани успешно включить болгарский период в историю татар, в то же самое время когда христианские миссионеры в Казани во главе с Н. Ильминским разрабатывали болгарскую версию этногенеза чувашей с целью обоснования их исключения из круга исламизированных народов. Протягивая историческую связь преемственности от современного ему периода через Золотую Орду к волжским булгарам, Марджани успешно защищал и позиции ислама в регионе, и часть культурного наследия тюркоязычных мусульман.

Утверждение этнонима «татары» в качестве официального сыграло важную роль в консолидации волго-уральских татар. В середине 1920-х гг. многие группы числились как самостоятельные «народности». Перепись 1926 г. фиксировала мишарей, тептярей, нагайбаков и некоторые другие тюркоязычные общности в качестве самостоятельных категорий учета. Впоследствии мишари, нагайбаки, тептяри, а также барабинцы, бухарцы и другие группы сибирских татар были включены в единую переписную категорию «татары» (Таблица 2). Однако есть сомнения, что усилия идеологов консолидации и «укрупнителей» классификационной сетки этнических категорий из центральных органов статистики и академических институтов завершились окончательным успехом. Объединение этих общностей, как оказалось, не свидетельствовало о реальных процессах консолидации, поскольку сегодня представители многих из них сохраняют сознание самостоятельности и отдельности, отчетливого своеобразия, выражающегося в осознании своих отличий от прочих тюркоязычных сообществ, официально именуемых «татарами».

Возвращаясь к ситуации 1920-х гг. следует отметить, что, с другой стороны, многие группы, именовавшиеся татарами прежде, впоследствии обрели самостоятельный статус, либо были включены в число других групп. Среди них – черневые татары (кумандинцы, тубалары, челканцы) и все группы так называемых минусинских татар, отнесенные впоследствии к хакасам (кизильцы, камасинцы, качинцы, сагаи, койбалы и бельтиры), которые в переписи 1926 г. были перечислены как самостоятельные категории учета. Кроме того, в переписи 1926 г. в качестве «других наименований» татар были названы «абинцы, агрыжанцы, ахатлеи, борчалоели, крымцы, чулымцы». Стоит отметить, что сегодня ни одна из этих групп не включается в переписную категорию «татары». Крымские татары (указанные выше как «крымцы») в переписи 1989 г. стали самостоятельной категорией учета. Абинцы еще раньше были учтены в составе шорцев. Ахатлеи и борчалоели (почти неупотребляемые сегодня наименования грузинских азербайджанцев) исчезли из списков после переписи 1937 г. Часть чулымцев по переписи 1989 г. вошла в состав татар, а другая – хакасов; по всей вероятности в будущей переписи 2002 г. они будут учтены как самостоятельная категория, поскольку они были включены в перечень так называемых «малочисленных коренных народов», получивших особый правовой статус по федеральному закону, вступившему в силу в апреле 1999 г.

В переписи 1937 г. большинство групп сибирских татар уже утратили

самостоятельный статус и были сгруппированы с другими в общей категории «татары». Так, в нее вошли фигурировавшие в переписи 1926 г. в качестве самостоятельных народов барабинцы и бухарцы. Этому объединению сибирских татар с волго-уральскими способствовало массовое переселение последних за Урал и отсутствие единого самосознания у различных групп сибирских татар. Близость тюркских языков⁵⁶, на которых говорили казанские татары, кряшены, мишари и различные группы сибирских татар также сыграла свою роль в классификационном объединении этих сообществ в единую категорию учета. Известный специалист по истории и этнографии сибирских татар, действительный член Российской Академии естественных наук Н.А. Томилов в одной из своих работ отмечает, что из 500 тысяч татар, проживающих сегодня в Сибири, около 180 тысяч относятся к общности сибирских татар, а остальные являются выходцами из районов Поволжья и Приуралья и их потомками⁵⁷. По данным переписи 1926 г. сибирских татар было около 90 тыс. чел.

В период с 1939 по 1979 гг. классификационная категория «татары» оставалась неизменной, но в переписи 1989 г. из нее были исключены крымские татары, учитывавшиеся отдельно. В проекте систематического словаря национальностей первой Всероссийской переписи 2002 г. в качестве самостоятельных единиц учета фигурируют нагайбаки, кряшены, сибирские татары и чулымцы⁵⁸, прежде входившие в общую категорию «татары». Таким образом, состав переписной этностатистической категории «татары» менялся от переписи к переписи благодаря влиянию целого ряда факторов, главным из которых все же следует признать уровень обеспечения права на самостоятельное наименование (индивидуальное самоопределение по этническому принципу). Понятно, что характер реализации этого права в свою очередь зависел от меры либеральности политического режима в период проведения переписи, степени мобилизации конкретного сообщества, отстаивающего право на самостоятельный статус, а также и от соответствия «внешним» критериям, по которым официальные инстанции (в том числе и научные) определяли самостоятельность тех, или иных «национальностей» – наличие представлений об «отдельности» и обособленности от других сообществ (самосознание), степень своеобразия используемой языковой нормы, наличие отличительных признаков в различных сферах культуры, особое вероисповедание и др.

«Татарская проблема» в переписи 2002 г. Разработанный учеными ИЭА РАН новый и расширенный, по сравнению с переписью 1989 г., список национальностей был построен на основе принципа либерализации переписного инструментария и методик учета населения, а также на методологических принципах, учитывающих особенности современных этнических процессов, потребностей управления в сфере национальной политики и образования. Помимо этого, существовала необходимость устранения ряда недостатков прежних переписей населения и преодоление устаревших подходов, на которых они основывались. Первостепенной целью вводимых изменений было обеспечение права граждан на самостоятельный выбор этнической и языко-

вой идентификации и минимизация помех идеологического, политического и бюрократического характера в реализации этого права. В результате был получен список из 170 основных категорий (и 24 подразделений⁵⁹), что, с моей точки зрения, одновременно является шагом вперед в обеспечении права граждан на этническую идентификацию и определенным компромиссом между сложившимися в стране традициями учета населения и полным обеспечением этого права.

В каком же отношении он стал компромиссом и не вполне воплотил принятые для его разработки принципы? Рассмотрение истории советских переписей позволяет понять, как возникла практика учета, в которой ответы населения на прямой вопрос о национальной принадлежности затем особым образом упорядочиваются, и все их многообразие сводится к заранее заданному перечню. Части причин, которые служили оправданием двухступенчатой процедуры фиксации национальной принадлежности (запись ответа в ходе переписи, а затем присвоение особого кода, в соответствии с заранее разработанным списком и итоговый подсчет численности групп не по реальному разнообразию ответов, а по кодировкам систематического словаря национальностей) сегодня более не существует. Мы не можем, например, ссылаться на неграмотность и неподготовленность населения к этому вопросу (хотя некоторые пожилые люди могут действительно не понимать вопрос о национальной принадлежности). В значительной степени здесь действует инерция системы, институализированный в научных и государственных категориях *классификационный режим*, подразделяющий «поданных государства» на удобные с точки зрения того же государства подразделения.

Государству легче решать разнообразные управленческие задачи в условиях стабильного классификационного режима, когда население расписано по якобы внутренне однородным «клеточкам» языков и национальностей. Существует «татарский язык» и перепись предоставляет данные о численности его носителей, возрастной структуре «татароязычных» и их расселении по территории страны. Такие данные дают возможность планировать систему образования на «родном языке» и решать множество других задач, презумпцией которых является *представление об однородности потребностей* (языковых, религиозных, культурных) у совокупностей людей, давших одинаково звучащие (или получившие одинаковый код!) ответы на вопросы переписи о языковой и национальной принадлежности. То обстоятельство, что в реальности эти люди могут являться носителями значительно различающихся языковых норм, существенно затрудняющих, или блокирующих обучение на якобы «родном языке», обычно игнорируются, поскольку у чиновников нет данных о существующем разнообразии. Поэтому, не взвизывая на результаты полевых исследований лингвистов, барабинские татары в национальных школах получают учебники татарского, разработанные в Казани, а, например, южные селькупы, совсем не понимающие диалекта своих северных соплеменников, до недавнего времени получали учебники именно на этом диалекте, что и привело у них к сужению функций и постепенной утрате родного языка. Это – лишь один пример столкновения двух типов рациональности: бюрократической (или, назовем мягче – технологической) и на-

учной. Носители этих типов не обязательно разделены профессиональными перегородками: как управленцы пользуются научным дискурсом, или его плодами, так и ученые нередко разрабатывают заранее приспособленные для решений управленческих задач (и, следовательно, высокотехнологичные) классификации, пользуясь именно бюрократической логикой.

Вернемся, однако, к рассмотрению переписного инструментария. Что в ходе его разработки было от технологии, что – от политики, а что – от логики научного вывода? Провести различие этих приемов в прикладном научном проекте всегда непросто и, к тому же, такое различие в свою очередь зависит от типа дискурса, на который в данный момент ориентируется пишущий. Попытаюсь разобраться в этом опять на примере татар. Хочу с самого начала отвергнуть одну из политических интерпретаций «татарской проблемы» в переписи (вполне уместных в политическом дискурсе), неоднократно звучавшую в СМИ, – версию об «антитатарском заговоре»⁶⁰. Если и можно было уловить элементы политического давления на членов комиссии в пользу конкретного варианта перечня, то это давление было определено «протатарским», то есть в пользу объединения различных групп, в официальных наименованиях которых фигурировал термин «татары», в одну.

Политический принцип либерализации переписного инструментария (обеспечение конституционного права на самоидентификацию) заставлял членов комиссии по составлению словарей языков и национальностей внимательнее относиться к тем сообществам, которые через своих законных представителей обращались в правительство, к президенту и в другие официальные инстанции с просьбой об их признании в качестве отдельных и самостоятельных переписных категорий (конкретными терминами в таких ходатайствах выступали «народ», «народность», «национальность», «этнос», однако в рамках переписи все они трактовались как *переписные категории*, без различия статуса). С другой стороны, технология переписного учета заставляла предусмотреть и включить в перечень *все возможные самоидентификации*, во всех их вариантах. В противном случае кодировщики могли не опознать «отклоняющиеся от нормы» наименования (местные самоназвания, по разному произносимые варианты одного этнонима и т.п.) именно в качестве вариантов одного и того же самоназвания. В таких случаях «неопознанный» попадает в категорию «прочие», которая должна классифицироваться уже после подведения основных итогов переписи вручную, так как все ее члены получают одинаковый компьютерный код. Именно в силу того обстоятельства, что фонетических вариантов и местных наименований всегда больше, чем «основных» (официальных, закрепленных в законодательстве, документах статистики народонаселения, или в научных классификациях), алфавитный перечень этнических наименований всегда в несколько раз превосходит «короткий» систематический словарь, где все варианты самоназваний и наименований подгрупп оказываются перечисленными вслед за соответствующими «основными» категориями.

Вопреки распространенному мнению, перепись не выделяет «народы», «нации», «народности», или «этноты» и «субэтноты», и уж тем более, не выделяет статистические категории, выделенные по принципу самоназвания,

этим титулами. Все эти «превращения» заведомо статистических конструкторов в некие «социальные тела» политического дискурса происходят уже в рамках последнего. Обычно неспециалисты в такие тонкости не вникают и заведомо наделяют переписные категории статусом народов, или наций («татарскую нацию раздробили»; «при подготовке переписи учеными выделено из татар восемь новых наций» и т.п.)⁶¹. Никакого злонамеренного умысла или желания «раздробить нацию» у членов комиссии ИЭА РАН, разумеется не было, но было желание максимально учесть все имеющиеся сведения (не только опубликованные, но и отраженные в материалах полевых этнографических исследований) об этническом составе регионов страны, и, по возможности, согласовать эти сведения с известными изменениями последнего десятилетия, когда политическая мобилизация по этническому принципу не только возродила в некоторых случаях почти угасшие аспекты идентичности, но и породила этнократические режимы, стремящиеся подавить «соперников». В случае переписной категории *татары* Систематический словарь национальностей и языков переписи 1989 г. фиксировал следующие самоназвания и подразделения⁶²:

Татары

татар

барабинцы, бараба, параба

карагасы томские

каринские (нукратские) татары

касимовские татары

кряшены

астраханские татары, карагаши (кундровские татары)

мецерьяки, мишари, мишер, мижер

нагайбаки

тарлик

тептяри, тептяри-татары

тоболик

тураминцы

чулымские татары, чулымские тюрки, чаты, чулымцы (с родным языком татарским)

эуитинцы, яушта

Оставить эту категорию в неизменном виде, как об этом ходатайствовали депутаты от Татарстана в Госдуме и М. Шаймиев было невозможно по целому ряду обстоятельств. Во-первых, *карагасы томские*, они же *чулымские татары, чулымские тюрки, чулымцы* вошли в список коренных малочисленных народов Севера, закрепленный законом о защите прав этих народов, и комиссия была обязана придерживаться норм этого закона. В список малочисленных народов вошли и *нагайбаки*, проживающие сегодня, главным образом, в Челябинской области.

Различные группы сибирских татар (просьба не путать с поволжскими татарами, переселившимися в Сибирь), а именно – *барабинцы*, (они же *бараба, параба*), *тарлик* (они же – *тарские татары*), *тоболик* (*тобольские татары*), *тураминцы, чаты, эуитинцы* (или *яушта*) – на своих представительных съездах и в обращениях в правительство отстаивали право числитель-

Извлечения из Систематического словаря переписи 2002 г.
(тюркоязычные сообщества, числившиеся в переписи 1989 г. как «*татары*»)

Основное название национальности	Названия национальностей (самоназвания и другие названия), которые могут встретиться в переписных листах	Основное название языка
Кряшены Нагайбаки Ногайцы	крещенные, крещенные татары, крещенцы, крешен нагайбэкляр ногай (с родным языком ногайским) караногайцы кундровцы	татарский татарский ногайский ногайский ногайский
Карагаши	ногай – карагаш	астраханских ногайцев-карагашей язык
Татары	татар казанские татары, казанлы каринские (нукратские) татары касимовские татары тептяри-татары татары – алабугатские татары	татарский татарский татарский татарский татарский алабугатских татар язык
Астраханские татары	юртовские татары	юртовских татар язык
Мишари	мишэр мещеряки	татарский татарский
Татары крымские	кьрым татарлар ногаи крымские, нугай татар тат (с родным языком крымскотатарским)	крымскотатарский крымскотатарский крымскотатарский
Татары сибирские	сибир татарлар бухарцы, бохарлы заболотные татары калмаки тарлик, тарские татары тевризские татары тоболик, тобольские татары тураминцы тюменские татары чаты зуштинцы, яушта барабинцы, бараба, параба	татарский татарский татарский татарский татарский татарский татарский татарский татарский татарский татарский татарский

ся самостоятельно. Никаких научных противопоказаний для того, чтобы рассматривать их в качестве самостоятельной переписной категории нет: они всегда сохраняли локальное самосознание и не осознавали себя частью живущих по другую сторону Урала татар; их разговорные нормы значительно отличались от казанской (язык барабинцев лингвисты вообще выделяют в качестве самостоятельного языка в семье тюркских языков), их традиционная культура специфична, наконец их магометанство носит черты своеобразия за счет того, что на него повлияли местные культы, скорее объединяю-

щие это населений с обскими уграми и самодийцами, с одной стороны, и, через так называемых *бухарцев* – с Казахстаном и Средней Азией, с другой, нежели с татарами Поволжья. Все это, но, главное, повторю, *желание самих сибирских татар* (подкрепленное конституционной гарантией свободы определения собственной национальной принадлежности) заставило комиссию выделить сибирских татар в качестве отдельной переписной категории.

Наиболее острым в политическом отношении и вызвавшим протест властей Татарстана было выделение кряшен. Специалистам известно, что в переписях 1920 и 1926 гг. кряшены (как, впрочем, и мишари, и тептяри) фиксировались в качестве самостоятельных единиц учета, и их не включали в число татар. Их численность по данным переписи 1926 г. (вместе с нагайбаками) превышала 120 тыс. чел. Представители кряшенских общин обращались в правительство и Госкомстат с просьбами о выделении их в самостоятельную категорию учета еще накануне переписи 1989 г. Однако тогда эта просьба не была удовлетворена, не в последнюю очередь из-за позиции властей ТАССР, а также и потому, что действовавшая тогда конституция не содержала нормы, определяющей право на этническую идентификацию (Статья 26.1. *Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность...*). В начале 1990-х гг. кряшены создали ряд национально-культурных обществ и центров, стали издавать свою газету, попытались восстановить существовавшие в 1920-30-е годы приходы, но скоро столкнулись с противодействием татарских националистических организаций и полным отсутствием поддержки своих инициатив со стороны руководства Татарстана. В республиканской печати все чаще стали появляться публикации антикряшенской направленности. Вопреки протестам депутатов от Татарстана в Госдуме Ф. Сафиуллина и Ф. Зиядиновой, отрицавших наличие дискриминации кряшен в республике⁶³, факты говорят об обратном⁶⁴.

Обсуждение «кряшенского вопроса» в связи с переписью уже породило столько небылиц, что стало безусловным лидером среди многочисленных переписных коллизий по поводу списка национальностей. Оспорить законность претензий кряшен на самостоятельность попытались многие политики и ученые Татарстана. Так, в одном из телеинтервью директор Института истории АН РТ и советник М. Шаймиева Р. Хакимов заявил: «Претендовать кряшенам на самостоятельный народ нет оснований, поскольку религия не является этнообразующим признаком». Между тем, известно множество так называемых этноконфессиональных сообществ, чья этничность сформировалась исключительно благодаря конфессиональным отличиям. Самый свежий здесь пример – боснийцы; кроме них – амиши, гуттериты, парсы, сикхи, марониты, копты, а у нас – меннониты, бесермяне, сету и езиды, как и и десятки других групп по всему миру. В Путин, на своей встрече с делегатами III Всемирного конгресса татар, явно ошибся, заявив, что «если русский считает себя мусульманином, он же не перестает от этого быть русским». Все зависит от того, сколько поколений существуют такие русские и как им удастся сохранять себя как сообщество. Почему для сербов и хорватов, принявших два-три века назад ислам, религия является этнообразующим признаком (ведь национальную идентичность боснийцев никто не отрицает), а для

кряшен, принявших православие то ли так же давно, то ли еще раньше, религия таким признаком быть не может?

На этом же съезде М. Шаймиев, информируя В. Путина о «татарской проблеме» в переписи, сказал: «Дело в том, что вне татарского народа оказались крещеные татары, сибирские татары и ногайцы. А мы ведь единый народ. В прошлой переписи этого не было, я уже говорил об этом Касьянову.»⁶⁵ Утверждение относительно прошлой переписи верно в случаях сибирских татар и кряшен, но ногайцы во всех советских переписях, в том числе и в переписи 1989 г. числились отдельно и никогда не причислялись к татарам, за исключением, впрочем, одной небольшой группы в 5-7 тыс.чел., осколка Малой Ногайской орды, оторвавшейся от основной массы ногайцев еще в XVIII веке, и называющей себя ногайцами-карагашами.⁶⁶ Очевидно, что речь в действительности шла о нагайбаках.⁶⁷

Остроту политической полемики по поводу «кряшенского вопроса» в переписи придает то обстоятельство, что этнократический режим может утратить свою легитимность, потеряв большинство. М. Шаймиев еще в августе 1997 г., выступая на II Всемирном конгрессе татар, сообщил: «Рост численности населения республики происходит в основном за счет миграции. В связи с этим должен особо отметить, что в республику с 1992 года по январь 1997 года прибыло более 100 тысяч человек, из которых татары составили 73 процента. Сейчас в республике 52 процента населения составляют татары.» Кряшены могут отнять от этого количества 5-7 процентов, если и не превратив татар в республике в меньшинство (их будет все равно больше, чем каждой из остальных групп), то сделав еще более очевидным тот дисбаланс во властных структурах в пользу татар, который давно привлекает внимание аналитиков⁶⁸, и заставляет видеть в рдетелях федерализма защитников этнократии.

На конфликт федералистских лозунгов с имперским поведением по отношению к собственным внутриреспубликанским меньшинствам обратили внимание и ученые и журналисты. На состоявшемся в марте 2002 г. Ученом Совете ИЭА С.А. Арутюнов, в свое время поддержавший Татарстан в реформе алфавита и переходе на кириллицу⁶⁹, и обвинявший центр в имперских амбициях, выступил с резкой критикой антикряшенской позиции своих коллег из Татарстана: «Я против всякого рода национализма на макро-, микроуровнях. Вы помните, что я поддерживал казанских коллег в их борьбе с московским шовинизмом, но я не одобряю сегодняшний татарский империализм в отношении кряшен. Если кряшены хотят быть кряшенами, нельзя этому препятствовать. Будем привержены демократическим нормам».⁷⁰ По существу, то же самое высказывает и Вера Постнова, корреспондент «Независимой газеты», комментируя статью Р. Хакимова «Кто ты, татарин? Горькие размышления на сломе эпох»: «Казанские идеологи национальной независимости, без устали обличая Россию и ее имперские замашки, не заметили, как усвоили имперский тон старшего брата и заговорили высокомерно и пренебрежительно с булгарами, кряшенами, мишарами, сибирскими татарами, нагайбаками, башикирами и прочими, «родства не помнящими с тюркским гением манкуртами». Диалектика между имперской идеологией и мини-имперскими устремлениями этнократий слишком сложна, чтобы ее можно было

сколько-нибудь полно охарактеризовать, воспользовавшись этим частным примером, однако устойчивость, с которой логика имперского отношения воспроизводится у пришедших к власти элит тех народов, которые сами пострадали на этой почве, заслуживает внимания.

На упомянутом выше ученом совете в ИЭА РАН произошла весьма серьезная подвижка в позиции Госкомстата, во всяком случае его представитель впервые публично заявил, что кодировка национальностей будет осуществляться по алфавитному перечню этнических наименований, а не по систематическому словарю. На практике это означает, что вместо приблизительно 200 «основных» категорий переписного учета, коды получают более 900 использованных в переписи при ответе на вопрос о национальной принадлежности этнонимов. Весь предпереписной период в Госкомстат и правительство шли бесконечные письма от сходов граждан и лидеров национальных организаций с просьбами отразить в переписи численность того, или иного народа. Поскольку в большинстве такого рода случаев речь шла о выделении групп, не зарегистрированных переписью 1989 г. в качестве самостоятельных, эти просьбы оспаривались властными структурами соответствующих территорий. Помимо Татарстана, целый клубок проблем возник в связи с очередной попыткой учесть численность андо-цезских народов Дагестана, которых правительство республики упорно числит аварцами. Однако, мне представляется, что именно полемика вокруг «татарской проблемы» с участием мощного татарстанского лобби заставила комитет по статистике сделать шаг по направлению к открытому списку. Шаг этот, впрочем, весьма скромный. Он позволяет уйти Госкомстату с «линии огня», переадресовав всю ответственность по «признанию народов» будущей правительственной комиссии, которая должна определить план публикации результатов переписи. Для непризнанных групп это будет означать очередной тур борьбы за конституционное право на национальную идентичность.

Будут ли участвовать в этой борьбе кряшены? Этого может не произойти по нескольким причинам. Первая из них та, что благодаря публичной дискуссии по кряшенскому вопросу, лидерам кряшен уже удалось достичь по крайней мере части тех требований, которые они первоначально выдвигали.⁷¹ Им удалось добиться приема у руководства республики: 11 апреля 2002 г. М. Шаймиев принял их лидеров. Он обещал, что будет разговор с главами администрации по первоочередным задачам жизнеустройства кряшен. Присутствующие согласились также, что решение проблемы отсутствия храмов и молельных домов было должно осуществляться совместно с Казанской епархией. Вопрос о школе для детей крещеных татар, которая в настоящее время принадлежит одному из частных предприятий Казани, было решено «изучить и, если можно, здание вернуть ученикам, а хозяевам предоставить аналогичное». Заместитель премьер-министра РТ З. Валеева пообещала поддержать создание кряшенского фольклорного ансамбля. В ходе встречи обсуждался и вопрос о переписи населения. От имени кряшенских делегатов Т. Дунаева заявила, что кряшены хотят сохранить свое самоназвание и религию. М. Шаймиев назначил ответственных для дополнительного изучения *Положения о переписи населения* и предложил вернуться к этому вопросу в бли-

жайшее время. Главный итог встречи подвел советник при президенте РТ Р. - Хакимов: «все сошлись во мнении: необходимо сохранять единство нации». ⁷²

Если все эти обещания не действуют – у руководства РТ остается возможность лоббирования протатарского решения при утверждении плана публикации результатов переписи, когда уже посчитанных отдельно кряшен можно будет объединить с татарами.

«Татарская проблема» в рамках «списков национальностей», при всей ее значимости, остается лишь частным сюжетом переписных технологий. За ее рамками находятся проблемы методологии переписей и их взаимосвязь с идеологией и политикой этих масштабных государственных мероприятий. И здесь, возвращаясь к заявленной в начале статьи теме соотношения различных «логик» – научной, административной, политической – не премину заметить, что рассмотрение конкретного случая их взаимодействия позволяет предположить, что научная логика перестает «работать», как только она оказывается за рамками собственно научного дискурса. Научные выводы используются как ресурс в отстаивании политических позиций (или воспринимаются как препятствие, если входят в конфликт с устоявшимися бюрократическими процедурами и технологиями), когда же «наука» становится неудобной, политики объявляют «дефолт»: премьер-министр РТ Р. Минниханов направил председателю правительства РФ М. Касьянову письмо о том, что федеральный перечень, предполагающий «дробление татарской нации, не имеет достаточного научного обоснования и вызывает непонимание народов Татарстана» (курсив мой – С.С.).

Научные аргументы, попадая в поле политики, превращаются из рациональных суждений в рационализации: и татары, и кряшены, проводя аргументы такого рода, имели целью, прежде всего, признание государством кряшен соответственно как части татар, или как самостоятельной «национальности». Эта политическая цель и была, в итоге, решена (хотя, вероятнее всего – не окончательно) чисто политическими средствами – в ноябре 2003 г. министр по делам национальностей В. Зорин, вопреки позиции Ученого Совета ИЭА РАН и большинства членов переписной комиссии, подготавливавшей перечень национальностей, настоял на том, чтобы кряшены при публикации результатов переписи перечислялись вслед за татарами, а общая численность татар включала бы и численность кряшен как их подгруппы. Антикряшенская позиция властей Татарстана во время переписи, факты нарушения переписных процедур, о которых стало известно уже во время проведения переписи, привели к тому, что из всех кряшен только приблизительно около четверти сумели зафиксировать кряшенскую принадлежность в графе «национальность» (при этом половина из этих 25 тыс. чел. не относятся к кряшенам Татарстана, а проживают на территориях Башкирии и Удмуртии).

Категория «татары» в переписях населения, 1926-2002

* в скобках перечислены подкатегории татар, или наименования включенных в их число групп;
** жирным шрифтом выделены отдельные переписные категории или национальности

* **Татары**, абинцы, агржанцы, ахатлели, борчалоели, крымцы, чулымцы

** **Мишари** (мещеряки, мецера); **нагайбаки**; **барабинцы** (барабинские татары); **бухарцы** (бухарлык); **черневые татары** (тубакиши, тубалар); **шорцы**; **койбалы** (кайбалы, мелецкие турки); **кряшены**; **тептяри**

1937

*крымские татары, абалар, абинцы, агржанцы, ахатлели, борчалоели, гезилой, казанские татары, карагачи, крымцы, поволжские татары, степные татары, южнобережные (крымские) татары, барабинцы, бухарцы, бухарлык, сибирские татары, кряшены, кряже, нагайбаки, ногайбаки, тептяри

** **Мишари** (мецера мещеряки, мижер); **шорцы** (кузнецкие татары); **хакасы** (минусинские, мелесские татары); **карачаево-балкарцы** (горские татары); **ойроты** (черневые татары)

1939

*Татары, кряшены, мишари, мишер, мижэр, мецерак, сибирские бухарцы, чулымцы, чулымские татары, мелесские татары, тептяри, нукратские татары, нагайбаки, ногайбак, крымские таатры, степные татары, южнобережные татары

****Хакасы** (минусинские, абаканские татары)

1959

*Татары, татар, барабинцы, кряшен, мишари, мышер, мижэр, мецераки, сибирские татары, бухарцы, чулымцы, чулымские татары, тептяри, нукратские татары, нагайбаки

****Крымские татары**; **тептяри**

1979

***Татары**, барабинцы, бараба, параба, карагасы томские, каринские (нукратские) татары, касимовские татры, кряшены, астраханские татары, карагачи (кундровские татары), мецераки, мишари, мишер, мижер, нагайбаки, тарлик, тептяри, тептяри-татары, тоболик, тураминцы, чулымские татары, чулымские турки, чаты, чулымцы, зуштинцы, яушта

****Шорцы** (шор-кижи); **татары крымские** (ногаи крымские, кърым татар, нугай татар, тат (с родным языком крымско-татарским), литовские татары)

1989

*Татары, татар, барабинцы, бараба, параба, карагасы томские, каринские (нукратские) татары, касимовские татары, кряшены, астраханские татары, карагачи (кундровские татары), мецераки, мишари, мишер, мижер, нагайбаки, тарлик, тептяри, тептяри-татары, тоболик, тураминцы, чулымские татары, чулымские турки, чаты, чулымцы (с родным языком татарским), зуштинцы, яушта

****Шорцы** (шор-кижи); **татары крымские** (ногаи крымские, кърым татар, нугай татар, тат (с родным языком крымско-татарским), литовские татары)

2002

***Татары**, казанские татары, казанлы, каринские (нукратские) татары, касимовские татары, тептяри (с татарским языком), тептяри-татары, астраханские татары, (алабугатские и юртовские татары), мишари, мишер

****Татары крымские** (ногаи крымские, кърым татарлар, нугай татар, тат (с родным языком крымско-татарским), литовские татары), **сибирские татары** (сибир татарлар, бухарцы, бохарлы, заболотные татары, калмаки, тарлик, тарские татары, тевризские татары, тоболик, тобольские татары, тураминцы, тюменские татары, чаты, зуштинцы, яушта, барабинцы, параба); **нагайбаки** (нагайбэклер); **ногайцы** (карагачи); **кряшены**

Сноски

¹ В этой статье я предпочел не останавливаться на содержании отечественных дискуссий относительно этничности и этнической идентичности. Приведу лишь краткий перечень публи-

каций, в котором читатель сможет обнаружить наиболее характерные позиции, существовавшие в российской этнографии на протяжении последних 10-15 лет (в алфавитном порядке): Александренков Э.Г. Этническое самосознание» или «этническая идентичность? // Этнографическое обозрение. – 1996. № 3; Арутюнов С.А. Фантом безэтничности // Расы и народы. Вып. 19. – М., 1989; Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // ЭО. – 1995, № 5; Белков П. Л. О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. – М., 1993; Бромлей Ю.В. Ещё раз о многообразии этничности // Расы и народы. Вып. 19. – М., 1989; Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. – 1998. № 4; Драгунский Д. В. Навязанная этничность. // Полис. – 1993. № 5; Заринов Ю.И. Исторические рамки феномена этничности // ЭО. – 1997, № 3; Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. – 2000, №2; Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. – 2002. № 1; Козлов В.И. Проблематика «этничности» // ЭО. – 1995, № 4; Козлов В.И. Пути околотэнической пассионарности. (О концепции этноса и этногенеза, предложенной Л. Н. Гумилевым) // ЭО. – 1990, №4; Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. – 1995, №5; Комаров Д.В. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М., 1994. – С. 56–63; Крюков М.В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. Вып. 19. – М., 1989; Кузнецов А.И. О соотношении понятий «общество» и «этническая общность» // СЭ. 1989, № 4; Лауцк Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов // СЭ. -1986. № 1; Ломова-Оппокова М.Ю. Этничность, народ и каста // Народы Азии и Африки. 1990. № 6; Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. – М., 2001; Пископтель А.А., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П. Парадоксы и курьёзы отечественной этнологической мысли (часть 3): Круглый стол по поводу статьи С.В.Чешко «Человек и этничность» // Этнометодология. Вып. 4. – М., 1997; Руденский Н.Е. Теория этноса и белые пятна на этнической карте // Расы и народы. 19. – М.: Наука, 1989; Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. – 1998, №6; Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. – 2000, №5; Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // ЭО. – 2001. № 1; Семенов Ю.И. Социально-исторические организмы, этносы, нации // ЭО. – 1996, №3; Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // ЭО. – 2000, №2; Соколова З.П. Эндогамия и этнос // ЭО. – 1992, №3; Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // ЭО. – 1994, № 2; Соколовский С.В. Третий путь, или попытка объяснения в разделенном сообществе // Мир России. – 1994, №2; Таболина Т.В. Этничность и общество: поиск концептуальных решений // Этнология в США и Канаде. – М.: Наука, 1989; Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. – 1993. – № 1(2). – С.3-32; Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО. – 1997, № 3; Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. – 1994, № 6. – С. 35-49; Шнирельман В.А. О первобытной этнической непрерывности // Расы и народы. Вып. 19. – М.: Наука, 1989; Щедровицкий Л.П., Пископтель А.А. Парадоксы и курьёзы отечественной этнологической мысли (часть 1) // Этнометодология. Вып. 1. – М., 1994; Щедровицкий Л.П. Парадоксы и курьёзы отечественной этнологической мысли (часть 2) // Этнометодология. Вып. 2. – М., 1995 и др. Важную роль в отечественных дискуссиях об этничности сыграли монографии и сборники статей: Рыбаков С.Е. Философия этноса. – М., 2001; В. Воронков, И. Освальд (ред). Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. – СПб., 1998; А.И. Элез. Критика этнологии. – М., 2001, а также авторизованный перевод книги Маркуса Бэнкса (M. Banks. Ethnicity: Anthropological Constructions. – London; New York: Routledge, 1996) Н.Г. Скворцова (Н.Г. Скворцов. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1996) и др.

² Житников А., Руфимский А. Битва Давида и Голиафа, или как крышены отстаивают свое право на существование // Радонеж, №1 (119), 2002, стр.6-7.

³ Цитата из выступления Ф. Зиятдиновой в Госдуме 05 февраля 2002 г.

⁴ Д.М. Исхаков. Татарская этническая общность // Татары. – М., 2001. – стр.22

⁵ А. Журавский. Крышены: Судьба народа без названия. К 10-летию возрождения первой крышенской общины в Казани // «Соборность» (<http://www.sobor.ru>)

⁶ И.Иванов. Крышены. «Зачеркнутый» народ. Заметки после экспедиции (<http://www.vega.komi.ru>). Подробнее о христианизации крышен и наличии древних христианских общин на территории Поволжья см. в: Малахов В. Золотое кольцо и наследники Золотой Орды // Континент Россия, №14-15

⁷ Информационное агентство “TatNews.RU” 15.10.2001

⁸ Понятие *топос* здесь заимствовано из классической риторики и, в отличие от математической топологии, обозначает набор стереотипных тем и образов, используемых оратором для структурирования аргументации (см., например: Hunter L. (ed.) Towards a Definition of Topos: Approaches to Analogical Reasoning. – Basingstoke: Macmillan, 1991). В отличие от литературной критики, где топология литературных произведений традиционно входит в число исследовательских объектов, топология других специализированных и профессиональных дискурсов все еще редко становится объектом анализа в социальной критике. В числе редких исключений можно привести работы Хейдена Уайта об историческом дискурсе (White. H. Metahistory. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973; *Ibid.* The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987; *Ibid.* “Figuring the Nature of the Times Deceased”: Literary Theory and Historical Writing. // Cohen R. (ed.) The Future of Literary Theory. – New York: Routledge, 1989. – pp.19-43; но см. также: Roth P.A. Meaning and Method in the Social Sciences. A Case for Methodological Pluralism. – Ithaca: Cornell University Press, 1987).

⁹ Эта мысль Х. Уайта перекликается с известной максимой Р. Барта: «*Le fait n'a jamais qu'une existence linguistique*» («факт никогда не имел ничего, кроме языкового существования»).

¹⁰ В.И. Козлов. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М., 1969. – стр.87

¹¹ Ср., например, Д.И. Эдельман. К проблеме “язык или диалект” в условиях отсутствия письменности // Лингвистическая география, диалектология и история языка. – Ереван, 1973

¹² А. Журавский. Крышены не хотят быть татарами. // Страна.Ru, 11.03.02

¹³ Д.И. Эдельман. Основные вопросы лингвистической географии. – М.: Наука, 1968. – стр.48

¹⁴ Я употребляю этот термин в качестве нейтрального для обозначения единиц лингвистической классификации любого из четырех уровней – говора, диалекта, группы диалектов и языка; некоторые социолингвисты и типологи-компаративисты для сходных целей используют термин *идиом* (ср.: Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – стр.171).

¹⁵ Переход на латиницу создает дополнительный разрыв между крышенской и татарской лингвемами, поскольку все вероисповедные тексты крышен написаны на кириллице, на основе алфавита, разработанного еще Н.И. Ильминским.

¹⁶ В.М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии // Вопросы языкознания. – 1954. – №4. – стр.21-23

¹⁷ Ср., например: В. Пизани. К индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. – 1966. – №4

¹⁸ G.A. Grierson. Linustic Survey of India. Vols.I-XI. – Calcutta, 1898-1928. –Vol.I (1928), pp.22-24

¹⁹ Всероссийская перепись «уничтожит» татар? // Республика Татарстан» (Казань), 17.01.02 (выделено мной – С.С.).

²⁰ Э. Рылова. Синдром «старшего брата» или почему крышены не хотят называться татарами // Российская газета, 21.02.02 (выделено мной – С.С.).

²¹ П. Ефимов. Нет, не согласны – мы крышены // kausar.narod.ru/glavno/gog/krsn_1.htm

²² А. Журавский. Крышены: Судьба народа без названия. К 10-летию возрождения первой крышенской общины в Казани // «Соборность» (www.sobor.ru)

²³ Из доклада В.В. Абрамова «Проблемы и перспективы развития кряшенского народа», сделанного на Круглом столе 02.11.2001 в ИЭА РАН в Москве.

²⁴ Там же.

²⁵ Так, например, экономическая оценка замены только дорожных знаков на двуязычные в Уэльсе составляла £3,275,000 в ценах 1972 г., а реальная стоимость замены 77 тыс. знаков превысила £7,700,000 (Bowen, Roderic, 1972: Bilingual Traffic Signs. Report of the Committee of Inquiry under the Chairmanship of Roderic Bowen. Caerdydd / Cardiff: HMSO).

²⁶ Доклад В.В. Абрамова.

²⁷ Подробнее об этом см.: С.В. Соколовский. Образы Других в российской науке, политике и праве. – М., 2001

²⁸ С. Брук. Этнический состав населения России // Народы России: энциклопедия. – М., 1994. – стр.28-29

²⁹ С.В. Соколовский. Образы Других..., стр.160-161

³⁰ Напомню, что картезианское *cogito*, связанное с мыслящим индивидом, не могло рассматриваться по Канту в качестве основания субъектности, поскольку сознание самого себя существует во времени, а не в пространстве и, следовательно, дано нам лишь как изменение. Сам Кант по этому поводу пишет: «Сознание самого себя при внутреннем восприятии согласно определением нашего состояния только эмпирично, всегда изменчиво; в этом потоке внутренних явлений не может быть никакого устойчивого или сохраняющегося Я.» (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. – стр.504). Хорошо известно, что для спасения субъектности Кант вынужден был ввести чисто логическое основание – знаменитую трансцендентальную апперцепцию. Именно она, по его замыслу, должна была сыграть роль скрепы, обеспечивающей единство индивидуального сознания. Таким образом, кантовское *cogito* оказалось эмпирически пустым, а единство потока внутренних явлений, их синтез в нечто оформленное и устойчивое стал пониматься как главная и конституирующая функция субъекта. Представители немецкого романтизма, прочитав *трансцендентальную апперцепцию* прежде всего как трансцендентальное *воображение*, сила которого и придает единство и связность субъекту, *оформляет* его, пришли к идее *образа*, картины, визуальной репрезентации Я. Это им было тем легче, что в немецком все три слова – «воображение», «оформлять», и «картина» – могут быть переданы и передаются с помощью одного корня – *bild* (*Enbildungskraft*, *bilden*, *das Bild*). Главным следствием этого кризиса европейского субъекта стало появление *наблюдателя*, точнее, превращение субъекта из картезианского *мыслителя* в кантовского *наблюдателя*. Этим был дан мощный толчок развитию науки наблюдения вообще и наук, где этот метод стал главенствующим, в частности, этнографии.

³¹ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. Т.2. – М.: ОГИЗ, 1946. – стр.296

³² Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. – стр.27

³³ Речь идет об известной публикации Ю.В. Бромлея в журнале «Советская этнография»: Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // СЭ. – 1969. – №6. – стр.84-91

³⁴ Ethnic Groups and Boundaries. Ed. by F. Barth. – Oslo: Bergen; London: Allen & Unwin, 1969.

³⁵ Ср., например: Bromley J., Kozlov V.I. The Theory of Ethnos and Ethnic Processes in Soviet Social Sciences // Comparative Studies in Society and History. – 1989. – Vol.31, #3. – pp.425-238; Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond 'Ethnic Groups and Boundaries' (eds. N. Vermeulen, C.Govers). – Amsterdam, 1994. – pp.11-32.

³⁶ Суждения о важности самосознания звучали и много раньше, однако оно рассматривалось всегда в духе марксистской теории отражения, как элемент, производный от объективных факторов и в этом смысле – вторичный. Например, В.И. Козлов в уже упомянутой выше книге «Динамика численности народов» отмечал: «В научно поставленной этнической статистике, в частности в СССР, при определении национальной (этнической) принадлежности населения

предпочтение отдается не языку, а национальному (этническому) самосознанию опрашиваемых лиц. Ответ на вопрос о национальной принадлежности, в отличие от ответа о родном языке, является, если можно так выразиться, синтезом всех элементов, образующих этническую общность, преломленных в самосознании опрашиваемого, выражением этнической связи данного лица с другими людьми – связи, без которой не мыслится само существование народа». (Цит. соч., стр.83-84)

³⁷ В это время она уже подверглась весьма существенной критике со стороны отечественных ученых (см. материалы дискуссии в сб. «Расы и народы». Вып.19. – М., 1989).

³⁸ О других предтечах конструктивизма в этой области и авторах первых конструктивистских концептуализаций см., например, в «Tribalism» and Ethnicity – The Manchester School // Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. – London; New York: Routledge, 1996. – pp.24-39 (на рус. языке в упомянутом переводе Н.Г. Скворцова: Манчестерская школа: «Трайбализм» и этничность // Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1996. – стр.10-25).

³⁹ Обсуждению концепта «групповых прав» в связи с дискуссиями о нормативном содержании этничности целиком посвящена книга: Shapiro I., Kimlicka W. (eds.). Ethnicity and Group Rights. – New York, London: New York University Press, 1997. Подробнее взгляд автора на эти проблемы представлен в: Соколовский С.В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. – М.: Московский Общественный Научный Фонд, 1997. (гл.2. Индивидуальные и коллективные права в контексте проблемы меньшинств, стр.71-113).

⁴⁰ Пространственные границы институциональной среды, поддерживающей этот тип представлений, по всей видимости, ограничиваются странами СНГ и Балтии, и, быть может, также остаются не демонтированными в Боснии, Сербии, Словакии (но не в Словении), Хорватии, Черногории, и ЮАР, а отчасти также в Австрии, Германии, Испании, Чехии, Финляндии и Франции.

⁴¹ Некоторые из них представлены в разделе «Новости» на сайтах <http://eawarn.tower.ras.ru> и <http://www.iea.ras.ru>, другие доступны только для участников совместного российско-американского исследовательского проекта по изучению российской переписи 2002 г., поддержанного фондом Карнеги и университетом Брауна, в рамках которого готовилась и публикация всех представляемых здесь материалов.

⁴² В их числе жмудь (35 чел. – причислены к литовцам), убыхи (9 чел. – учтены как черкесы); барабинцы (39 чел.) и кизильцы (22 чел.) отнесены к татарам; хазара (12 чел.) и крызы (5 чел.) – к джекам; ваханцы (6 чел.) – к таджикам.

⁴³ В переписи 1937 г. было учтено 168 народов и более 900 этнонимов.

⁴⁴ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М., 1981. – С.69

⁴⁵ Там же, С.330-331

⁴⁶ См., например, диссертационные исследования: Hirsch F. Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union: Ph.D. Diss. Princeton University, 1998; Knight N. Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia: Ph.D. Diss. – N.Y.: Columbia University, 1994; Cadot J. La constitution des catégories nationales dans l'Empire de Russie et dans l'Union des Républiques Socialistes Soviétiques (1897-1939): Statisticiens, ethnographes et administrateurs face à la diversité du «national»: These, Dr. de l'EHESS. – Paris, 2001; Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. – Ithaca, 1994 etc. См. также статью: Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category of Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. – 1997. – Vol.56, No.2. – pp. 251-278

⁴⁷ См.: Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. – Петроград, 1917

⁴⁸ В комиссию входили такие выдающиеся ученые как В.В. Бартольд, Ф.К. Волков, Д.К. Зеленин, Д.А. Золотарев, Н.Я. Марр, А.А. Миллер, С.Ф. Ольденбург, С.И. Руденко, А.Д. Руд-

нев, А.Н. Самойлович, А.А. Шахматов, Л.Я. Штернберг и Л.В. Щерба; иными словами, она, помимо этнографов, включала лингвистов, специалистов по физической антропологии и востоковедов.

⁴⁹ Патканов С.К. Проект составления племенной карты России // Живая старина. – 1924. – Т.24, №3. – с.217-244.

⁵⁰ Петербургский филиал архива РАН, ф.2, оп.1-1917, д.30, лл.40-42 (Цит. по: Hirsch F. Empire of Nations, p.28).

⁵¹ Петербургский филиал архива РАН, ф.2, оп.1-1917, д.30, лл.188 (Цит. по: Hirsch F. Empire of Nations, p.36).

⁵² Там же ф.135, оп.1, д.11, л.117 (Hirsch F., p.86).

⁵³ Материалы по уточнению Словарей национальностей и языков, а также дискуссий по проекту «Список народов СССР» были опубликованы в сборнике статей «Этнокогнитология» (Вып.1. Подходы к изучению этнической идентификации. Редактор-составитель С.В. Соколовский; научный редактор Э.А. Чамокова. М., 1994).

⁵⁴ Небольсин П.И. Очерки Волжского края // Журнал Министерства внутренних дел. – 1852, Часть 38. – с.389; Исаков Д.М. Татарская этническая общность. Астраханские татары // Татары. – М., 2001. – С.23

⁵⁵ См., например, Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. –Ithaca: Cornell University Press, 1999; Ibid. The P'minskii System and the Controversy over Non-Russian Teachers and Priests in the Middle Volga // Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. (eds. C. Evtukov, B. Gasparov, A. Osipov and M. Von Hagen). – Moscow, 1997

⁵⁶ В новейших классификациях тюркских языков выделены, помимо собственно татарского, в качестве самостоятельных языков языки барабинских, алабугатских и юртовских татар (Языки мира. Тюркские языки. – М., 1997. С. 172-179; 199-206; 357-372; 506-513). Уместно отметить, что автор статьи «Татарский язык» М.З. Закиев по поводу языка сибирских татар пишет, что он «не играл активной роли в становлении и развитии норм национального литературного языка» (имеется в виду татарский язык), а значительную роль в сближении сибирских татар с казанскими сыграло то обстоятельство, что «в качестве общего объединяющего их этнонима постепенно насаждалось слово татары, хотя они до сих пор не считают его своим самоназванием» (Там же, стр. 371).

⁵⁷ Томилов Н.А. Сибирские татары: опыт проживания в диаспоре // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С.30.

⁵⁸ Часть чулымцев в переписи 1989 г. была записана хакасами.

⁵⁹ Эти “подгруппы” выделяемые внутри некоторых переписных категорий, как правило относятся к общностям, обладающим отчетливой языковой и культурной спецификой, однако сохраняющим в самосознании и принадлежности к общему, объединяющему несколько подгрупп, целому, то есть обладают “двойным” самосознанием. Примеры: мордва-мокша и мордва-эрзя, осетины-дигорцы и осетины-иронцы. В случае татар к таким группам были отнесены мишари, татары-тептяри, казанские и астраханские татары. Численность таких групп обычно отдельно не учитывается и не публикуется в результатах переписей (все они включаются в общую численность основной категории), хотя сведения о численности, например, эрзян и мокшан, помогли бы лучше спланировать систему национального образования.

⁶⁰ См., например, Егоров А. «Татары боятся московского этнографического заговора» (17.01.2002 <http://Страна.Ru>)

⁶¹ Ср., например: «В центре внимания курултая был, конечно, и вопрос о предстоящей осенью этого года переписи населения РФ. Доклад на эту тему, сделанный известным этнологом и историком Д. Исаковым, был одним из наиболее основательных выступлений. По словам ученого, существующий на сегодня список этносов, на основе которого (по данным переписи) татар могут разделить на 9 самостоятельных этносов – это еще не предел, поскольку, согласно его информации, в зависимости от политической конъюнктуры этот перечень в отно-

шении татар может быть еще расширен уполномоченными на то органами. В том, что такое стало возможным, и нация оказалась на грани раскола, по мнению Исакова, повинны в определенной степени и некоторые татарские ученые, которые еще в начале 1990-х гг. писали, например, что *сибирские татары – отдельная нация.*» (Абдрахманов Р. За сохранение единства татар и против изменения Конституции Татарстана // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Приволжский федеральный округ. –М.: ИЭА РАН, 2002. -№ 33; курсив мой – С.С.).

⁶² Словари национальностей и языков для кодирования ответов на 8 и 9 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1988. – с.17-18

⁶³ Стенограмма совещания 5 февраля 2002 г. в Госдуме у помощника полномочного представителя правительства РФ Андрея Логинова (архив автора).

⁶⁴ Только в Елабужском районе за последние десять лет исчезло девять кряшенских сел (и ни одного татарского), а из тридцати руководителей районного уровня осталось только двое кряшен. В Заинском районе есть 13 чисто кряшенских сел, кряшены проживают совместно с татарами еще в 13; из этих 26 хозяйств только в двух – руководители из кряшен. В отличие от татарских сел, дороги и мосты в кряшенских селах строятся не на бюджетные средства, а на деньги, полученные за урожай. В плачевном состоянии находятся или совсем отсутствуют Дома культуры даже в таких крупных кряшенских населенных пунктах, как Средний Багряж, Кабан-Бастрыка. На весь Заинский район имеется 2 церкви в Новом и Старом Заинске, где служба ведется на русском языке. В остальных 26-ти деревнях нет церквей, в том числе в крупных, как Савалеево. Для отправления своих религиозных нужд людям нужно ехать за 30-50 км в районный центр. Особенно болезненно кряшены воспринимают отсутствие церквей в связи с тем, что даже в небольших татарских деревнях в 30 дворов имеются мечети, а рядом в большой кряшенской деревне церковь отсутствует. Хорошо известно, что за десятилетие суверенитета преимущественно на бюджетные средства в Татарстане построено почти 1000 мечетей. В то же время в селе Налим кряшены собрали деньги на восстановление Покровской церкви, которые сельсовет использовал на восстановление мусульманского кладбища в Татарском Налиме. Сегодня в республике на одну мечеть приходится 1500 прихожан, а на одну кряшенскую церковь – несколько десятков тысяч, поскольку существует лишь пять кряшенских церквей. К концу 2000 г. в республике при поддержке правительства выходило 335 газет, в том числе на татарском, чувашском, удмуртском, немецком языках, в то время как единственная газета для кряшен «Кряшен сюз» (Набережные Челны) публикуется на пожертвования частных лиц. В республиканской печати с 1992 г. не утихает оскорбительная для кряшен кампания (с обсуждением таких вопросов, стоит ли возвращать кряшен в мусульманство, или они недостойны этого; не являются ли они «агентами Кремля» и «врагами татарского народа» и т.п. (перечень антикряшенских публикаций подробнее см.: *Комментарий в интересах нации* (<http://Седьмица.RU>)).

⁶⁵ Комсомольская правда, 31 августа 2002 г.

⁶⁶ Лингвисты выделяют карагашский язык в качестве отдельного тюркского языка, близкого к ногайскому. Из-за малочисленности группы и их проживания в Астраханской обл. (Красноярский и Харабалинский районы) в прошлом их причисляли к так называемым *астраханским татарам*.

⁶⁷ Нагайбакам вообще «не повезло» в этой политической кампании: в еженедельнике «Известия Татарстана» известный татарский драматург Т. Миннуллин печалится, что «те же магаймаки в Челябинской области уже не знают своего языка». Корреспондент «Московского Комсомольца в Татарстане» прав, заметив, что «... этнография знает нагайбаков, действительно живущих в Челябинской области, и ни единым словом не упоминает о магаймаках. В связи с этим печаль писателя выглядит несколько загадочной» (<http://mkt.ru>). Кстати, известия о печальном положении с родным языком у нагайбаков сильно преувеличены – им удается сохранять тот вариант кряшенского наречия, который практически забыт в Татарстане.

⁶⁸ Тишков В.А. Ассамблея наций или союзный парламент? (Этнополитический анализ со-

става Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР) // Сов. этнография. 1990, №3. С.3-17; *Tishkov V. The Mind Aflame. Ethnicity, Nationalism and Conflict In and After the Soviet Union.* – L.e.a.: Sage, 1997. – pp. 256-257.

⁶⁹ Всеобщий переход на латиницу неизбежен: интервью с членом-корреспондентом РАН Сергеем Арутюновым // Независимая газета 07.08.2001.

⁷⁰ Аудиозапись Ученого Совета ИЭА РАН 14 марта 2002 г. (архив автора).

⁷¹ Профессор Казанской государственной академии культуры и искусств Т. Дунаева, проанализировав, чего же требуют кряшены от власти, была удивлена, что все претензии сводятся лишь к четырем пунктам: открыть отдел кряшеноведения в Академии наук Татарстана, восстановить кряшенскую школу, обеспечить государственными субсидиями газету «Крешен сюз» и набрать кряшенскую группу в Академии культуры и искусств для создания кряшенского фольклорного ансамбля.

⁷² По сообщению корреспондента газеты «Коммерсантъ»: «Официальная Казань пообещала решить кряшенам все проблемы и провести их представителей на заметные посты. С одним условием: кряшены останутся частью татарского народа.» (Коммерсантъ, 16 апреля 2002 г.).